

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ПРАВОСУДИЯ

*Ин. автор
С.А. Разумов,
Ю.Ю. Берестнев*

**ЕВРОПЕЙСКАЯ КОНВЕНЦИЯ
О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
И ОСНОВНЫХ СВОБОД**

**Статья 3
Запрещение пыток**

Прецеденты и комментарии

МОСКВА

2002

ББК 67.91
УДК 341.4.46
К 64

ВВЕДЕНИЕ

Авторы:

Автор иностранный

Станислав Александрович Разумов, Судья Верховного Суда РФ, доцент
Юрий Юрьевич Берестнев, Заместитель начальника Управления главного
государственно-правового управления Президента РФ

Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод (далее ЕКПЧ) была подписана 4 ноября 1950 г. в Риме и вступила в силу 3 мая 1953 г. Сорок пять лет спустя, 5 мая 1998 г., Российская Федерация присоединилась к ЕКПЧ.

Согласно п. 4 ст. 15 Конституции РФ, принятой в 1993 г., ЕКПЧ, обладая обязательной юридической силой в рамках международного права, является также составной частью правовой системы Российской Федерации. Более того, в Конституции РФ говорится, что если международным договором установлены иные правила, чем предусмотренные внутренним законом, то применяются правила международного договора (в данном случае ЕКПЧ). Таким образом, ЕКПЧ имеет обязательный характер для внутренних судов и всех государственных органов власти.

Из этого также следует, что все граждане Российской Федерации наделены правами и обязанностями, закрепленными в ЕКПЧ, так что они могут непосредственно требовать применения ее положений в рамках внутренней судебной процедуры и внутренние суды, в свою очередь, должны применять прецедентное право. Более того, национальные органы власти, включая суды, должны отдавать предпочтение Конвенции в том случае, если она вступает в противоречие с внутренним законом.

Основополагающий принцип действия ЕКПЧ заключается в том, что ответственность за соблюдение закрепленных в ней прав возлагается на подписавшие ее государства. Статья 1 ЕКПЧ обязывает все подписавшие ее государства обеспечить каждому, находящемуся под их юрисдикцией, закрепленные в ней права и свободы. Задача Европейского Суда по правам человека (далее Суда) – анализировать действия государственных органов по соблюдению прав и свобод человека, оставляя за собой право толковать норму внутреннего законодательства той или иной страны в соответствии с ЕКПЧ.

В основе взаимодействия между правовыми системами государственных участников и Судом лежит принцип субсидиарности, согласно которому процесс выполнения ЕКПЧ национальными властями должен контролироваться европейскими органами. При этом присутствует понятие «поле усмотрения», основанное на признании того факта, что во многих случаях национальные органы обладают правом самостоятельно принимать решение по тому или иному конкретному делу или вопросу. Это особенно обоснованно в условиях, когда существует множество способов решения того или иного вопроса. Тем не менее, «поле усмот-

Пособие, подготовленное для российских судей, призвано ознакомить с практикой Европейского суда по правам человека по применению статьи 3 Европейской конвенции о защите прав и основных свобод, закрепляющей право гражданина на физическую неприкосновенность

*Издание финансируется в рамках Совместной программы
Европейской Комиссии и Совета Европы*

© _____, 2002.

© Берестнев Ю.Ю., 2002.

© Разумов С.А., 2002.

ISBN 5-93916-015-8

© Российская академия правосудия, 2002.

© Совет Европы, 2002.

рения» может применяться в разной степени, в зависимости от важности вопроса, совпадения нормативно-правовых актов, содержания национального законодательства. В контексте ст. 3, запрещающей применение пыток (центральная тема данного пособия), представляется спорным применение концепции «поле усмотрения».

ЕКПЧ – это нечто значительно большее, чем только текст договора. В течение 45-летнего периода действия ЕКПЧ были приняты и Дополнительные протоколы, расширяющие сферу ее действия, рассмотрены сотни дел органами, созданными на ее основе (бывшей Европейской комиссией по правам человека (далее Комиссией) и Судом.¹

В процессе рассмотрения обращений граждан по поводу предполагаемых нарушений их прав, защищаемых ЕКПЧ, Комиссия и Суд разработали ряд принципов и подходов к толкованию ее положений, конкретизировав сферу действия гарантий и критерии оценки соответствия действий договаривающихся сторон ее требованиям.

В настоящее время необходимо понимать, что даже для традиционного гражданских правовых систем характерно применение правовых норм смешанного типа, включающих элементы гражданского и общего права. Поэтому каждый прецедент, возникший из применения ЕКПЧ устанавливает стандарты и нормы, равноприменимые в отношении всех государств-участников, независимо от того, какое государство выступает в качестве ответчика.

ЕКПЧ также необходимо рассматривать с точки зрения понятия «объект и назначение», заключающегося, согласно формулировке Суда, в обеспечении защиты демократических ценностей применительно к отдельной человеческой личности, т.е. ее положения должны интерпретироваться и применяться таким образом, чтобы содержащиеся в них гарантии приобретали *практический и эффективный* характер. Данный принцип весьма актуален для применения ст. 3 ЕКПЧ.

Еще одной важной особенностью ЕКПЧ является ее динамичный характер, отражающий процесс изменения социальных потребностей, стандартов и запросов. Именно в ходе рассмотрения дела по ст. 3 ЕКПЧ Суд нашел возможность подчеркнуть, что ЕКПЧ является живым инструментом, который должен интерпретироваться в свете актуальных событий сегодняшнего дня. Суд подчеркнул, что узаконенная практика телесных наказаний несовершеннолетних правонарушителей, допустимая в 1956 г., не может считаться приемлемой в 1978 г., согласно нормам, закрепленным в ЕКПЧ.²

¹ На основании Протокола №11, вступившего в силу 1 ноября 1998 г., Европейская комиссия по правам человека была распущена, и был создан единый постоянно действующий орган – Европейский суд по правам человека.

Также, Суд отметил, что при вынесении решения о том, нарушили ли действия властей положения ЕКПЧ, он «не может не руководствоваться общепринятыми стандартами, разработанными в сфере уголовно-правовой политики в государствах-членах Совета Европы».³ Соответственно, на Суд оказывает (и должен оказывать) влияние на процесс изменения и унификации стандартов, принятых во всех государствах-членах Совета Европы.

Цель данного пособия – помочь судьям и прокурорам всех уровней в деле обеспечения полного запрета на применение пыток, а также бесчеловечного и унижающего достоинство обращения или наказания, в соответствии с обязательствами, принятыми на себя Российской Федерацией по ст. 3 ЕКПЧ. Для этого мы предлагаем подробно рассмотреть прецеденты, созданные в связи с применением данной статьи, и на этой основе определить практическое и юридическое значение для профессионалов, работающих в судебной системе.

Комментарий

Тезис относительно применения во внутренней судебной процедуре положений прецедентного права может относиться только к положениям, связанным с выполнением норм ЕКПЧ, если внутреннее законодательство противоречит установленным в ней требованиям. Что касается применения норм российского законодательства в частности, материального уголовного права, а также норм процессуального права, не противоречащего ЕКПЧ, должно применяться судами Российской Федерации исходя из положений приверженности России континентальному праву, что в основе своей содержит подчинение закону, а не прецеденту.

Так, в ЕКПЧ не содержится каких-либо положений, касающихся защиты прав потерпевших от преступных действий и вовлеченных не по своей воле в сферу уголовного судопроизводства. В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее УПК РФ) прямо указано, что назначением российского уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления и защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения его прав и свобод (ст. 6).

² *Тайрер против Соединенного Королевства*, Постановление от 25 апреля 1978 г. Серия А.26.

³ Там же, стр.15.

ПОНЯТИЕ ПРАВА НА ФИЗИЧЕСКУЮ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ

Как неоднократно отмечалось Судом «В статье 3 ЕКПЧ закреплена одна из основополагающих ценностей демократического общества». Статья 3 Конвенции провозглашает, что:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию.»

Состоящая из 14 слов, формулировка ст. 3 самая краткая в ЕКПЧ.⁴ Однако, подобная краткость не должна умалять глубину ее значения. Национальные власти не могут позволить себе игнорировать ее положения.

Несмотря на жестокую реальность, продолжающуюся практику применения пыток во всем мире, о которой авторитетные источники постоянно сообщают, необходимо отметить, что запрет пыток является не только нормой, закрепленной в ЕКПЧ, но и частью международного права, рассматриваемого в качестве *jus cogens*.⁵

В целях борьбы против использования пыток был принят целый ряд международных норм: начиная со ст. 5 Всеобщей декларации прав человека, гласящей, что «никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим его достоинство обращению и наказанию», до принятого в 1998 г. в Риме Положения о Международном уголовном суде, объявляющем широкомасштабное или систематическое применение пыток против гражданского населения преступлением против человечности.

Кроме ЕКПЧ, Россия также является участником следующих договоров, запрещающих пытки:

- Четырех Женевских конвенций 1949 г.;
- Международного пакта ООН о гражданских и политических правах от 1966 г. (ст. 7: «Никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим его достоинство обращению или наказанию»);
- Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания (КПП) от 1984 г.;

⁴ Статья 4 Протокола No.4 гласит: «Коллективная высылка иностранцев запрещена». Это самая краткая статья Европейской конвенции по правам человека и Протоколов к ней.

⁵ См. *Прокурор против Фурунджии*. 10 декабря 1998 г., дело No.ИТ-95-17/И-Т; *Прокурор против Делачича и др.*, 16 ноября 1998 г., дело No.ИТ-96-21-Т, п.454 и *Прокурор против Кунарака*, 22 февраля 2001 г., дело No.ИТ-96-23-Т и ИТ-96-23/1, п.466.

• Европейской конвенции по предупреждению пыток и бесчеловечных или унижающих достоинство обращения или наказания от 1987 г.

Положение о запрещении пыток можно найти почти во всех внутригосударственных правовых системах. Статья 21 Конституции РФ гарантирует защиту достоинства личности. Она гласит:

«1. Достоинство личности охраняется законом. Ничто не может быть основанием для его умаления.

2. Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. Никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам.»

Комментарий

С учетом присоединения России с указанным выше Европейским конвенциям и конституционных принципов, в последние годы в Российской Федерации было принято ряд законодательных актов, запрещающих жестокое обращение с гражданами и установления уголовной ответственности за действия, связанные с пыткой.

Так, Уголовный кодекс Российской Федерации (далее УК РФ) содержит указание на ряд преступлений, предусматривающих ответственность за квалифицированные составы по признаку их совершения с применением пытки (п. д ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 302 УК).⁶

В законе РСФСР «О милиции» указано, что милиции запрещается прибегать к обращению, унижающему достоинство человека (ст. 5), применение же физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия с превышением полномочий, влечет за собой ответственность, установленную законодательством Российской Федерации (ст. 12)⁷.

В статье 3 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее УИК РФ) говорится, что в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и Конституции РФ уголовно-исполнительное законодательство

⁶ Уголовный кодекс Российской Федерации. СЗ РФ. 1996. №25. Ст.2954

⁷ Закон РФ «О милиции» от 18 апреля 1991 г. В настоящее время действует в редакции Закона РФ от 4 августа 2001 г. с изм., внесенными 30.12.2001 г. // СЗ РФ. 2001. №32. Ст. 3316.

Российской Федерации и практика его применения основываются на строгом соблюдении гарантий защиты от пыток, насилия и другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения с осужденными.⁸

Эти и другие законодательные акты свидетельствуют о наличии гарантий со стороны государства в отношении права гражданина на физическую неприкосновенность.

Включение запрета на применение пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения в конституционное законодательство является важным фактором обеспечения гарантии того, что запрещенные ЕКПЧ действия не будут иметь места в пределах юрисдикции государства-участника. Однако, существование подобного запрета видимо недостаточно, т.к. можно привести многочисленные примеры нарушений ст. 3, несмотря на наличие аналогичных положений в законодательных системах некоторых государств-участников.

Было бы также неверно утверждать, что применение ст. 3 связано исключительно с необходимостью борьбы против пыток, которые, несомненно, представляют собой наиболее серьезную форму нарушений прав человека и гражданина ст. 3, но наряду с этим ст. 3 касается и других многочисленных и различных видов оскорбления человеческого достоинства и нарушений физической неприкосновенности. Как отмечалось выше, именно прецеденты, их анализ демонстрируют, насколько широкий разброс случаев, против которых направлен запрет, содержащийся в ст. 3.

Жалобы на нарушения положений ст. 3 могут возникать в следующих ситуациях: жестокое обращение при задержании полицией; условия содержания являются бесчеловечными или унижающими достоинство; угроза депортации или высылки, (риск бесчеловечного обращения); неспособность судов защитить жертвы злоупотреблений со стороны других частных лиц.

Ниже мы будем подробно рассматривать следующие аспекты, связанные с применением статьи 3:

- Формы поведения, а также конкретные действия, которые могут рассматриваться в качестве нарушений ст. 3.
- Типы потенциальных нарушителей ст. 3.
- Объективные и субъективные методы анализа при определении того, насколько конкретная форма поведения или действий, действительно, нарушают ст. 3.
- Процедурные аспекты, а именно, обязательство расследовать *prima*

⁸ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации. СЗ РФ. 1997. №2. Ст. 198

facie жалобы на применение пыток и других форм бесчеловечного обращения.

- Действие и бездействие, нежелание или неспособность принять необходимые меры или обеспечить адекватную помощь или уход.
- Обязательство воздерживаться от некоторых действий, а также обязательство предпринимать эффективные действия по обеспечению гарантий прав личности и ее защиты от недопустимого обращения.

Сфера действия статьи 3

Принцип «минимальной степени жестокости»

Не все виды жестокого обращения подпадают под действие ст. 3 ЕКПЧ. С самого начала Суд четко сформулировал для того, чтобы попасть в сферу действия ст. 3, плохое обращение должно достигать минимального уровня жестокости.⁹ Тем не менее, также указывалось на то, что иногда бывает трудно провести границу между жестоким обращением, с одной стороны, и нарушением ст. 3, с другой.¹⁰

В деле *Ирландия против Соединенного Королевства*¹¹ Суд подчеркнул относительный характер оценки минимального уровня жестокости: он зависит от всех обстоятельств дела, таких как, продолжительность указанного обращения, его воздействие на физическое и психическое состояние индивида, а в некоторых случаях, и от пола, возраста и состояния здоровья жертвы.¹² Указанное утверждение неоднократно повторялось в решениях, принятых Судом.¹³ В деле *Серинга* Суд развил приведенную формулировку, добавив, что степень жестокости, наряду с вышеперечисленными факторами «зависит от всех обстоятельств дела, таких как характер и контекст подобного

⁹ *Круз Варас и др. против Швеции*, Постановление от 20 марта 1991 г., Серия А по. 201, стр. 31, п. 83.

¹⁰ *Маккаллум против Соединенного Королевства*; решение от 4 мая 1989 г., Серия А. 183, стр.29.

¹¹ *Ирландия против Соединенного Королевства*, решение от 18 января 1978 г., серия А по. 25, стр. 65.

¹² Там же, п. 162.

¹³ См. *Ирландия против Соединенного Королевства*, стр. 65 и более поздние дела *Текин против Турции*, Постановление от 9 июня 1998 г., Доклады 1998-IV, §52; *Кинан против Соединенного Королевства*, решение от 3 апреля 2001 г., §20; *Валасинас против Литвы*, Постановление от 24 июля 2001 г., §120 и непосредственно в связи с вопросом о пытках *Лабита против Италии*, Постановление от 6 апреля 2000 г., ЕСПЧ 2000-IV, §120.

обращения или наказания, а также способы и методы их исполнения.»¹⁴

В прошлом страсбургские органы отмечали, что критерии того, что рамки жестокого обращения могут варьироваться применительно к различным странам. Комиссия указывала, что:

«Как следует из показаний ряда свидетелей, большинство задержанных довольно терпимо относятся к некоторой жесткости обращения со стороны полиции и военных, воспринимая это иногда даже как должное... Это подчеркивает тот факт, насколько различной в разных обществах, а иногда и даже в различных слоях одного и того же общества, может быть степень терпимости заключенных и общественности к проявлениям физического насилия, не воспринимающих их как нечто жестокое или чрезмерное.»¹⁵

В различных обществах, а также у индивидов в рамках одного общества, могут существовать различные представления о том, что является жестоким обращением. Например, некоторые формы обращения с женщинами или детьми, в зависимости от религиозных или культурных установок, могут восприниматься некоторыми группами населения как более жестокие в отличие от других групп. Степень психологического воздействия той или иной формы обращения на конкретного индивида зачастую зависит и от культурного уровня индивида.

Тем не менее, что касается жестокого обращения и гарантий, предусмотренных ст. 3, то здесь очевидна растущая тенденция к унификации стандартов и практики, что, в свою очередь, ведет к большей объективности в процессе оценки минимального порога жестокости.¹⁶ Европейский комитет по предупреждению пыток (КПП), деятельность которого мы будем более подробно рассматривать ниже, внес существенный вклад в развитие стандартов в пенитенциарной сфере.

В статье 3 можно выделить три сферы запретов, имеющих, тем не менее, общие моменты. Согласно выводу Комиссии по так называемому «греческому делу»: «очевидно, что речь может идти об обращении, к которому применимы все указанные критерии, поскольку в любом случае пытка является бесчеловечной и унижающей достоинство

¹⁴ *Серинг против Соединенного Королевства*, Постановление от 7 июля 1989 г., Серия А.161, §100.

¹⁵ *Греческое дело*, 5 ноября 1969, УВ XII стр.501.

¹⁶ Процесс выработки общих стандартов, в частности, касающихся обращения с задержанными, наилучшим образом отражен в докладах Европейского комитета по предупреждению пыток (КПП), а также в его отчетах и рекомендациях. См. вебсайт КПП www.coe.int/t/echr и в частности, его документ от 16 октября 2001 г. «Существенные разделы общих докладов КПП.»

формой обращения, а бесчеловечное обращение, в свою очередь, унижает достоинство.»¹⁷

Для того чтобы понять, какая форма поведения является недопустимой, необходимо проанализировать юридический смысл каждого из 5 понятий, использованных в ст. 3:

- «пытка»,
- «бесчеловечность»,
- «унижение достоинства»,
- «обращение»,
- «наказание».

Пытка. Понятие «пытка» имеет свой особый юридический смысл. Суд указал на это, т.к. в ЕКПЧ используются два понятия «пытка» и «бесчеловечное и унижающее достоинство обращение».¹⁸

Фактически, в намерение Суда входило придать особо одиозный смысл **умышленно бесчеловечному обращению, приводящему к чрезвычайно серьезным и жестоким** страданиям.¹⁹ В этой связи Суд сослался на ст. 1 Резолюции 3452 (XXX), принятой Генеральной Ассамблеей ООН 9 декабря 1975 г., в которой говорится:

«Пытка представляет собой **усугубленный и преднамеренный** вид жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания» (выделено – Нами.).

Обозначив понятие, позволяющее рассматривать ту или иную форму обращения или наказания в качестве пытки, Суд никогда не пытался дать определение данного термина. Он, однако, частично использовал определение, содержащееся в Конвенции ООН против пыток, вступившей в силу 26 июня 1987 года.²⁰ В статье 1 этой Конвенции говорится, что

«...определение «пытка» означает любое действие, которым какому-либо лицу **умышленно причиняется сильная боль или страдание**, физическое или нравственное, **чтобы** получить от него или от третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, а также запугать или принудить его или третье лицо, либо по любой причине, основанной на дискриминации любого характера,...

» (выделено - Нами).

¹⁷ Там же, стр. 186.

¹⁸ См. например, решение по делу *Дикме против Турции*, решение от 11 июля 2000 г., §93.

¹⁹ Там же.

²⁰ См. *Аккос против Турции*, решение от 10 октября 2000 г., §115; *Салман против Турции*, решение от 27 июня 2000 г., §114.

В приведенном определении можно выделить три *основных элемента*, характеризующих *пытку*:

- причинение сильной физической боли или нравственного страдания;
- намеренное или умышленное причинение боли;
- преследование конкретной цели, а именно, получение сведений, наказание или запугивание.

Интенсивность. Суд заявил, что пытку следует отличать от и других форм плохого обращения на основании «различия степени интенсивности причиняемого страдания.»²¹ Степень жестокости или интенсивность причиняемого страдания могут определяться следующими факторами:

- продолжительность;
- физическое и психологическое воздействие;
- пол, возраст и состояние здоровья жертвы;
- способ и метод его исполнения

При оценке степени интенсивности жестокости обращения в том или ином конкретном случае необходимо принимать во внимание такие субъективные факторы как пол, возраст и состояние здоровья жертвы. Однако, смягчающее воздействие данных факторов при оценке того, является ли указанное обращение пыткой, должно быть минимальным. Действия, которые объективно причиняют сильную боль, считаются пыткой, независимо от того, является ли пострадавшее лицо мужчиной или женщиной, или оно отличается крепким телосложением. Суд указал на это в деле *Селмуни*²², отметив, что обращение, которому подвергся заявитель, не только отличалось жестокостью, но являлось бы унижительным для любого человека, *независимо от его состояния.*²³

Первое дело, в котором органам Конвенции пришлось рассматривать жалобу на применение пыток, касалось действий военной хунты, правившей в Греции в тот период. Комиссия являлась единственным органом, способным расследовать указанные жалобы, поскольку тогдашнее правительство Греции приостановило действие ЕКПЧ вскоре после начала расследования. Тем не менее, Комиссии удалось выявить факты применения таких пыток как «фаланга» (нанесение ударов по подошвам ног тяжелым тупым предметом), жестокие избиения, применение электрошока, инсценированные казни, а также угрозы расстрела и убийства.²⁴ Комиссия пришла к выводу, что имели место как пытки, так и жестокое обращение.

²¹ Там же, п. 167.

²² *Селмуни против Франции*, Постановление от 28 июля 1998 г., ЕСПЧ 1999-V.

²³ Там же, § 103.

²⁴ *Греческое дело*, Доклад Европейской Комиссии от 5 ноября 1969 г., Ежегодник 12.

Рассмотрение дела *Ирландия против Соединенного Королевства*, завершилось вынесением Комиссией решения, согласно которому комбинированное использование пяти методов допроса («дезориентации» или «сенсорной депривации») равносильно бесчеловечному обращению и пытке и является нарушением ст. 3:

постановка к стене: задержанных заставляют оставаться на протяжении нескольких часов в «неудобном положении», что, по описанию некоторых лиц, подвергшихся этому, заключается в том, что «вас заставляют стоять в распятом положении лицом к стене, упершись пальцами в стену высоко над головой, ноги врозь и на значительном расстоянии от стены, что вынуждает вас становиться на цыпочки, тем самым перенося вес своего тела, в основном, на пальцы рук»;

надевание «капюшона»: на голову задержанного помещают пластиковый пакет черного или синего цвета и оставляют его в таком положении, по крайней мере, первоначально, в течение всего времени допроса;

воздействие шумом: в ожидании допроса задержанных помещают в комнату, в которой непрерывно раздаются громкий шум и свист;

лишение сна: в ожидании допроса задержанных лишают сна;

лишение пищи и воды: задержанных ограничивают в питании во время их пребывания в заключении в ожидании допроса.

Суд, однако, не согласился с мнением Комиссии и большинством голосов признал указанную форму обращения не пыткой, а бесчеловечным обращением. Суд также отметил, что поскольку имело место комбинированное применение указанных пяти методов допроса, одновременно, преднамеренно и на протяжении многих часов, что причинило тяжкие физические и моральные страдания лицам, подвергнутым им, а также привело к острым психическим расстройствам во время допросов, то, следовательно, подобные действия подпадают под категорию бесчеловечного обращения в смысле ст. 3. Указанные действия также имели унижительный характер, поскольку они вызывали у пострадавших чувство страха, угнетенности и неполноценности, унижающих их и, возможно, помогающих сломить их физическое или моральное сопротивление. Тем не менее, по мнению Суда, указанное обращение нельзя считать «пыткой», поскольку причиняемые им страдания не достигали *такой степени интенсивности и жестокости*, которую предполагает это понятие.

Преднамеренность. Как уже отмечалось выше, в определении пытки, используемом Судом, пытка характеризуется в качестве *преднамеренной* формы бесчеловечного обращения. В деле *Аксой против Турции*, в ходе которого Суд вынес свое первое решение о том, что индивид был подвергнут пыткам, Суд указал на то, что «подобное обращение могло быть осуществлено только преднамеренно», добавив, что «требу-

ются определенная подготовка и усилия, чтобы осуществить это». В данном случае речь шла о так называемом «палестинском подвешивании», при котором жертву подвешивают за связанные за спиной руки.²⁵

Аналогичным образом, в деле *Дикме против Турции* Суд установил, что обращение, которому подвергся пострадавший, заключалось «как минимум, в нанесении большого количества ударов и других подобных видах пыток.»²⁶ Суд признал, что указанное обращение по отношению к г-ну Дикме осуществлялось преднамеренно представителями государственной власти в ходе исполнения ими своих обязанностей.

Целенаправленность. Термин «пытка» часто используется для обозначения бесчеловечного обращения, имеющего определенную цель, будь то, получение сведений или признания, а также исполнение наказания. В ряде случаев Суд отметил наличие целевого аспекта в вышеприведенном определении пытки, содержащемся в Конвенции ООН 1987 г., а также тот факт, что данное определение описывает пытку в терминах намеренного причинения сильной боли или страдания с целью (*inter alia*), получения сведений, наказания или запугивания. В деле *Дикме* Суд установил, что целью жестокого обращения было получение признательных показаний относительно преступлений, в совершении которых г-н Дикме подозревался.²⁷ В других делах, касавшихся применения пыток в отношении задержанных лиц, Суд аналогичным образом пришел к выводу о том, что подобное обращение применялось в ходе допроса с целью получения информации или признания.²⁸

Actus Reus (виновное действие). В первом деле, в котором Суд усмотрел применение пыток, *Аксой против Турции*, заявитель был подвергнут так называемому «палестинскому подвешиванию», иначе говоря, он был в обнаженном виде подвешен за руки связанные за спиной, что привело к параличу обеих рук, который продолжался некоторое время. Тяжесть и жестокость подобного обращения заставила Суд квалифицировать его в качестве пытки.

В деле *Айдын против Турции*, заявительница утверждала, что, *inter alia*, она была изнасилована, находясь под стражей в полиции. Суд в процессе сбора доказательств факта ее изнасилования заявил, что «...Изнасилование задержанного официальным представителем государства должно рассматриваться в качестве особо тяжкой и отвратительной формы жестокого обращения, учитывая то, что обидчик может воспользо-

ваться уязвимостью положения своей жертвы и ее сниженной способностью к сопротивлению. Далее, изнасилование оставляет глубокий психологический след в душе жертвы, который не поддается быстрому целительному воздействию времени, как некоторые другие формы физического и психологического насилия. Заявительница также испытала острую физическую боль в ходе изнасилования, что способствовало развитию у нее чувства унижения, нанеся ей, таким образом, как физический, так и моральный ущерб.»

Суд пришел к заключению, что в данном случае изнасилование было равноценно пытке, что явилось нарушением ст. 3 ЕКПЧ.

В деле *Сельмуни против Франции* заявитель, имевший голландское и марокканское гражданство, находился в тюремном заключении во Франции. Он подвергался многократным избиениям, о чем свидетельствовали многочисленные следы от ударов на его теле. Его волокли по земле, держа за волосы; заставляли бегать по коридору, по обеим сторонам которого стояли полицейские и подставляли ему подножки; заставляли становиться на колени перед молодой женщиной, которой было сказано: «Подожди, сейчас ты услышишь, как кто-то поет»; был объектом мочеиспускания со стороны других лиц; ему угрожали паяльной лампой, а затем шприцем.²⁹

Суд указал на то, что все эти действия имели не только жестокий характер, но и были бы неприемлемы и унижительны для любого человека, *независимо от его состояния.* При этом был принят во внимание фактор продолжительности указанного обращения, а тот факт, что вышеуказанные события не ограничивались лишь единичным случаем в ходе тюремного заключения, но имели устойчивый и систематичный характер на протяжении многих дней допросов, усугубил ситуацию.

Суд вновь подчеркнул, что «физическое и моральное насилие, рассматриваемые в целом, которым подвергся заявитель, причиняли ему «сильную» боль и страдания и потому имели *особенно серьезный и жестокий характер.* Подобные действия должны квалифицироваться в качестве пытки в соответствии со ст. 3 ЕКПЧ.»³⁰

В деле *Аккос против Турции* заявитель, среди прочего, подвергался воздействию электрическим шоком, горячей и холодной водой, ударам по голове и угрозам расправиться с его детьми. Результатом подобного обращения стало появление у заявителя хронического чувства страха и незащищенности, которое было диагностировано как пост-травматическое стрессовое расстройство и потребовало медицинского лечения. Так же как и в деле *Сельмуни*, Суд счел жестокость обращения с заявителем, а также все сопутствующие обстоятельства, достаточными для их квалификации в качестве пытки.

²⁵ *Аксой против Турции*, Постановление от 18 декабря 1996 г., сб. 1996-VI; т.26, §64.

²⁶ *Дикме против Турции*, § 79 и 95.

²⁷ *Аккос против Турции*, § 64; *Дикме против Турции*, §95.

²⁸ См. *Аксой против Турции*, а также дела *Аккоса и Салмана*.

²⁹ *Сельмуни против Франции*, § 103.

³⁰ Там же, §105.

В деле *Дикме против Турции* заявитель, г-н Дикме, подвергался столь жестокому избиению, что это заставляло его страдать как физически, так и морально, что, в свою очередь, усугублялось еще тем, что он содержался в полной изоляции и с завязанными глазами. Таким образом, Суд счел, что обращение с г-ном Дикме, весьма вероятно, могло породить у него чувства страха, тревоги и уязвимости, которые, в свою очередь, имели угнетающий и унижающий характер и способствовали слому его воли, а также снижению способности к сопротивлению. Кроме того, отмечалось, что заявитель постоянно испытывал физическую боль и беспокойство в связи с неопределенностью своего положения, а также по причине постоянных избиений в ходе продолжительных допросов, которым он подвергался, находясь под стражей в полиции. Суд признал, что заявитель намеренно подвергался подобному обращению со стороны официальных представителей в ходе исполнения ими своих служебных обязанностей, с целью получения от него признания или сведений, касающихся преступлений, в совершении которых он подозревался. В данных обстоятельствах, Суд пришел к заключению, что насилие, которому подвергался заявитель, во всей своей совокупности, а также с учетом его *цели и продолжительности* применения, имело особенно серьезный и жестокий характер, было способно вызвать «сильную» боль и страдания, и, следовательно, оно было равносильно пытке в смысле ст. 3 ЕКПЧ.

Бесчеловечное или унижающее достоинство обращение

Жестокое обращение, не являющееся пыткой по причине своей недостаточной степени интенсивности или целенаправленности, можно классифицировать в качестве бесчеловечного или унижающего достоинство. Как во всех оценках, связанных со статьей 3, определение указанного минимума достаточно относительно.³¹

В «греческом деле» Комиссия заявила, что «Понятие «бесчеловечное обращение» включает в себя, по крайней мере, такие действия, которыми умышленно причиняются сильные страдания, нравственные или физические, что в данной ситуации является неприемлемым».

Суд признал подобное обращение «бесчеловечным», поскольку, *inter alia*, оно было преднамеренным, применялось одновременно в течение многих часов и причиняло серьезный физический ущерб или сильные физические и нравственные страдания.

Многочисленные случаи бесчеловечного обращения имеют место в контексте задержания, когда пострадавшие подвергаются плохому обращению, отличающемуся жестокостью, степень и интенсивность которой недостаточны для того, чтобы указанное обращение могло квалифицироваться в качестве пытки.

³¹ См. среди прочего, *Текин против Турции*, Постановление от 9 июня, сб. 1998-IV, §52.

Это также может касаться действий, имевших место вне контекста задержания, отличающихся преднамеренной жестокостью и повергших пострадавших в состояние глубокого отчаяния. В делах *Аскера и г-жи Сельджук*, а также *Билджина и г-жи Дулас*, дома заявителей были разрушены сотрудниками служб безопасности в ходе проводимых ими операций в зоне проживания заявителей. Комиссия и Суд признали, что поджог домов заявителей может квалифицироваться в качестве акта преднамеренного насилия и разрушения, отличающегося полным пренебрежением к безопасности и благополучию заявителей, оставленных без какого-либо убежища в обстоятельствах, способных вызвать страх и страдания.³² Это является бесчеловечным обращением в смысле ст. 3 ЕКПЧ.

Под унижающим достоинство обращением подразумевается такое обращение, которое вызывает у пострадавшего чувства страха, тревоги и неполноценности, приводящие к его унижению и запугиванию, а также к снижению его способности к физическому или моральному сопротивлению³³, или заставляющие жертву действовать против своей воли или совести.³⁴

При рассмотрении вопроса о том, является ли наказание или обращение «унижающим достоинство» в смысле ст. 3, необходимо учитывать то, является ли его *целью* унижение или запугивание индивида, а также оказывают ли они воздействие на его/ее личность, несовместимое со статьей 3.³⁵ Однако, отсутствия указанной цели не достаточно для того, чтобы исключить возможность обнаружения нарушения ст. 3.

Такие факторы, как возраст и пол жертвы, могут оказывать значительно большее влияние на оценку того, является ли обращение унижающим достоинство, бесчеловечным или даже пыткой, поскольку процесс оценки имеет субъективный характер. В данном случае, Суд также указал на то, может быть достаточно и того, что жертва ощущает себя униженной в своих собственных глазах, даже если и не в глазах других лиц.

В одном из дел, рассмотренных Судом, 15-летний подросток был приговорен к телесному наказанию в виде трех ударов розгой. Заявителя заставили приспустить брюки и трусы, склониться над столом, с обеих сторон его удержи-

³² *Сельджук и Аскер против Турции*, Постановление от 24 апреля 1998, сб. Постановлений и решений 1998-II, стр.19, §78; *Дулас против Турции*, Постановление от 30 января 2001 г., §55; *Билджин против Турции*, решение от 16 ноября 2000 г., §103.

³³ Ирландия против Соединенного Королевства, Постановление от 18 января 1978, серия А по.25, стр.66, п.167.

³⁴ Мнение Комиссии в «греческом деле», глава IV, стр.186.

³⁵ *Раннинен против Финляндии*, Постановление от 16 декабря 1997, сб. 1997-VIII, стр.2821-22, п.55.

вали двое полицейских, третий непосредственно осуществлял наказание, при первом же ударе розга начала разлетаться на куски. Отец заявителя потерял контроль над собой и после третьего удара попытался «наброситься» на полицейского, но к нему были применены меры усмирения. Удары розгой вызвали вздутие (но не порезы) кожи на теле заявителя, и он испытывал сильную боль спустя полторы недели после избиения.

Суд счел, что указанное наказание содержало в себе элемент унижения, достигающий уровня, позволяющего его квалифицировать в качестве «унижающего достоинство» обращения.

Широкая огласка также может быть существенным фактором при оценке того, является ли наказание «унижающим достоинство» в смысле ст. 3, но и отсутствие гласности не обязательно исключает того, что рассматриваемое наказание не попадет в указанную категорию.

Обращение / наказание. Большинство форм поведения или действий, попадающих в сферу применения ст. 3, могут быть названы «обращением». Однако, в некоторых обстоятельствах совершенно однозначно речь может идти о форме наказания, налагаемого на пострадавшего, что диктует необходимость установления того, является ли указанное наказание бесчеловечным или унижающим достоинство.

Можно спорить по поводу того, что в наказании, как таковом, уже заложен элемент естественного унижения, общепризнанно, что абсурдно объявлять обычное исполнение наказания (по природе своей практически неизбежно являющегося унижительным) «унижающим достоинство» в смысле ст. 3. Суд совершенно правомерно требует наличие дополнительного критерия при рассмотрении данного вопроса. Действительно, в ст. 3, содержащей однозначный запрет «бесчеловечного» и «унижающего достоинство» наказания, подразумевается также наличие различия между указанной формой наказания и обычным наказанием.

Таким образом, запрещение унижающего достоинство наказания не обязательно влияет на процедуру исполнения обычного судебного наказания, даже в том случае, если вынесенный приговор отличается достаточной суровостью. Суд указал на то, что лишь в исключительных обстоятельствах суровый приговор может подпадать под действие ст. 3. Именно в данной связи можно упомянуть возможность предоставления государствам свободы или поля усмотрения в вопросе о том, какого рода наказание они выносят осужденным. Тем не менее, как мы отмечали выше, в 1978 г. Суд вынес решение о том, что узаконенная в Соединенном Королевстве практика телесных наказаний несовершеннолетних правонарушителей противоречит ст. 3.

Суд указал, что самая природа узаконенного телесного наказания предполагает применение физического насилия одним индивидом в отношении другого. Более того, это институциональное насилие, т.е. в данном случае, речь идет о насилии, разрешенном законом, санкциониро-

ванном судебными государственными органами и осуществленном представителями государственных правоохранительных органов. Далее, узаконенный характер подобного насилия был сопряжен с целым рядом официальных процедур, сопутствовавших исполнению наказания, а также с тем фактом, что исполнители наказания являлись совершенно незнакомыми людьми для правонарушителя.

Следовательно, несмотря на то, что заявителю и не было нанесено тяжких телесных повреждений, назначенная ему мера наказания – поскольку он служил объектом действий со стороны органов государственной власти – может квалифицироваться как оскорбление его человеческого достоинства и посягательство на его физическую неприкосновенность. Суд также принял во внимание тот факт, что наказание могло оказать пагубное психологическое воздействие на пострадавшего.

Применение телесных наказаний в школах также было признано унижающим достоинство. В указанном деле Комиссия пришла к выводу, что заявитель подвергся серьезным физическим истязаниям, а также унижению, достигающему такой степени тяжести, которая дает право квалифицировать указанное наказание в качестве унижающего достоинство обращения и наказания в смысле ст. 3 ЕКПЧ. Комиссия также признала государство ответственным за указанное плохое обращение, поскольку оно допускалось британским законодательством в условиях отсутствия эффективной системы возмещения ущерба.³⁶

Комментарий

Несомненно, ст. 3 ЕКПЧ относится к разряду неотъемлемых прав и свобод гражданина, которые должны охраняться внутренним законодательством страны.

В Российской Федерации существует три направления такой защиты: гражданско-правовая, административно-правовая и уголовно-правовая.

В гражданском праве гражданин может защитить свою честь, достоинство и деловую репутацию путем обращения с заявлением в суд, в котором вправе требовать опровержения порочащих его честь, достоинство и деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответ-

³⁶ *Y. против Соединенного Королевства*, Постановление от 8 октября 1991, Серия А, No.247-A; 17 EHRR 233.

ствуют действительности. По требованию заинтересованных лиц допускается защита чести и достоинства гражданина и после его смерти. Гражданин, в отношении которого распространены сведения, порочащие его честь, достоинство или деловую репутацию, вправе наряду с опровержением таких сведений требовать возмещения убытков и морального вреда, причиненных их распространением (ст. 152 ГК РФ).

В Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее КоАП РФ) указано, что при применении мер административного принуждения не допускаются решения и действия (бездействие), унижающие человеческое достоинство (статья 1.6 КоАП РФ). В связи с этим законом предусмотрены меры административного воздействия в отношении лиц, которые нарушают права граждан и допускают унижение человека, его чести и достоинства. Например, ст. 5.13 КоАП РФ об административных правонарушениях предусматривает меры административного принуждения за непредоставление возможности опровергнуть опровержение или иное разъяснение в защиту чести, достоинства или деловой репутации.

Гражданский и административный порядок рассмотрения вопросов, связанных с унижением достоинства личности являются своеобразными методами предупреждения нарушений ст. 3 ЕКПЧ относительно лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства.

УПК РФ содержит запрет на осуществление действий и принятие решений, унижающих честь участников уголовного судопроизводства. В законе указано, что никто из них не может подвергаться насилию, пыткам, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению (ст. 9 УПК РФ).

С момента задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, ему разъясняются его права, он не может быть подвергнут задержанию на срок более 48 часов без судебного решения, задержанный имеет право на общение с защитником с момента его задержания. Вред, причиненный лицу в результате нарушения его прав и свобод судом, а также должностными лицами, осуществляющими уголовное преследование, подлежит возмещению по основаниям и в порядке, которые установлены УПК РФ (ст. 11 УПК РФ).

Изложенные обстоятельства гарантируют защиту прав и свобод граждан со стороны государства.

Нарушение указанных правил влечет за собой уголовное преследование, прежде всего, в отношении должностных лиц, которые их допускают.

В судебной практике не редки случаи, когда обвиняемый в ходе предварительного расследования или подсудимый в ходе судебного разбирательства заявляет о применении к нему незаконных методов, связанных с психологическим или физическим воздействием. Указывают на причинение ударов, телесных повреждений, длительность допросов в течение нескольких часов подряд без предоставления воды и пищи.

В некоторых случаях это может быть расценено как один из способов уклонения от уголовной ответственности и дискредитации правоохранительных органов, производящих дознание.

Вместе с тем, такие заявления всегда требуют тщательной проверки, которая может быть осуществлена либо путем проведения служебного расследования, либо исследованием доводов в судебном заседании (истребование данных о медицинском освидетельствовании, допрос свидетелей-очевидцев, проведение дополнительной судебно-медицинской экспертизы и т.д.).

Если указанными методами будет установлено применение пытки или бесчеловечное, унижающее честь и достоинство действие, в отношении виновных может быть возбуждено уголовное дело, а доказательства, подтверждающие, например, виновность подозреваемого или обвиняемого, добытые подобным путем, должны быть признаны недопустимыми, они не должны исследоваться в судебном заседании и не могут быть положены в основу обвинительного приговора.

Лицо, в отношении которого применялись меры физического или психического воздействия может обратиться с официальным заявлением о возбуждении уголовного дела по указанному факту или в отношении конкретного лица. Если после проведенной проверки в возбуждении уголовного дела будет отказано, такое постановление следственных органов может быть обжаловано прокурору или в суд (ст. 124, 125 УПК РФ). Прокурор вправе отменить постановление дознавателя или следователя и сам возбудить уголовное дело. Судья, признав отказ в возбуждении

уголовного дела незаконным или необоснованным, выносит соответствующее постановление и направляет его для исполнения прокурору, уведомив об этом заявителя (ст. 148 УПК РФ).

В уголовном законодательстве РФ не дано понятия пытки (это предполагается сделать в ближайшее время путем внесения дополнения в УК РФ), однако в уголовном законе предусмотрены составы преступлений, по которым может быть установлена виновность лиц в унижении чести и достоинства гражданина или применивших пытку при совершении преступного деяния. Следует отметить, что судебная практика России исходит из понятий пытки и бесчеловечного отношения к пострадавшему, которые приняты и определены международными документами и в Постановлениях Суда (*Ирландия против Великобритании*. Постановление от 18 января 1978 г.; *Томази против Франции*. Постановление от 27 августа 1992 г. и т.д.).³⁷

Так, причинение физических или психических страданий путем систематического нанесения побоев либо иными насильственными действиями с применением пытки, наказывается лишением свободы от 3 до 7 лет (ч. 2 ст. 117 УК РФ); злоупотребление должностным лицом своими служебными полномочиями вопреки интересам службы, если это деяние повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан или повлекшее тяжкие последствия, наказывается лишением свободы до 10 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ч. 3 ст. 285 УК РФ); принуждение подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля к даче показаний либо эксперта к даче заключения путем применения насилия, издевательства или пытки, наказывается лишением свободы от 2 до 8 лет (ч. 2 ст. 302 УК РФ).

Другой сферой институционального обращения, подпадающего под действие ст. 3, является *принудительное медицинское лечение*. Однако, Суд указал, что «узаконенная медицинская практика» играет решающую роль при определении того, является ли указанное лечение необходимым. В качестве общего правила, Суд установил, что мера, являющаяся те-

рапевтической необходимостью, не может рассматриваться в качестве бесчеловечного или унижающего достоинство обращения.³⁸

Представляется совершенно закономерным, что Суд, призванный осуществлять надзорную функцию, весьма не склонен вторгаться в сферу, в которой он не обладает достаточной компетенцией, в частности, в сферу медицины. Внутренние суды также проявляют осторожность при вмешательстве в указанную сферу. Тем не менее, необходимо рекомендовать национальным судьям и прокурорам проявлять должное внимание к указанным вопросам, к развитию национального законодательства в этой области, а также к процессу унификации стандартов, применяемых в данной сфере. Необходимо отметить рост числа принятых резолюций и рекомендаций, устанавливающих минимальные стандарты и нормы в сфере обращения с пациентами, в частности, в психиатрических учреждениях, а также в местах лишения свободы.³⁹

В данном контексте также может возникнуть обсуждение таких вопросов как влияние религиозных воззрений на отношение к медицинскому лечению и эвтаназия, а также вопроса о том, происходит ли нарушение абсолютного права индивида на защиту человеческого достоинства в том случае, если его подвергают принудительному медицинскому лечению. Формирование более широкого консенсуса по данным вопросам также может повлиять на процесс признания принудительного медицинского лечения в качестве посягательства на человеческое достоинство.

Комментарий

Порядок применения принудительных мер медицинского характера в Российской Федерации строго регламентирован нормами материального и процессуального законодательства. Они могут быть применены только судом и в отношении лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости, или лица, у которого после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение наказания или его исполнение. Принудительные меры медицинского характера назначаются в случае, когда психическое расстройство лица связано с опасностью для

³⁸ *Херцегфалви против Австрии*, 24 сентября 1992 г., Серия А 24; § 82.

³⁹ Рекомендация Парламентской ассамблеи Совета Европы в сфере психиатрии и прав человека 1235 (1994).

³⁷ Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. Т.1 стр. 756. М., 2000.

него или других лиц либо возможностью причинения им иного существенного вреда (ст. 433 УПК РФ).

При незаконном помещении лица в психиатрический стационар предусмотрена уголовная ответственность (ст. 128 УК РФ).

Статья 3

в контексте Европейской Конвенции о защите прав человека

Суд постоянно сравнивает ст. 3, запрещающую пытки и унижающее достоинство обращение, со ст. 2 о праве на жизнь – одним из фундаментальных прав, защищаемых ЕКПЧ. Одной из основных целей ст. 3 является защита достоинства личности и ее физической неприкосновенности.

В отличие от других статей ЕКПЧ, ст. 3 сформулирована в **абсолютных** и **безусловных** терминах и не содержит, как, например, ст. 8 – 11 часть вторую с перечислением обстоятельств, допускающих применение пыток или бесчеловечного и унижающего достоинство обращения или наказания, не оставляя, таким образом, возможности законных ограничений при применении данной нормы.

Безусловный характер гарантии защиты прав, содержащихся в ст. 3, означает и то, что ни при каких обстоятельствах, согласно ЕКПЧ или иному положению международного права, не могут быть оправданы действия, нарушающие данную статью. Иначе говоря, не существует факторов, которые могли бы в рамках внутренних правовых систем рассматриваться в качестве оправдания запрещенных действий (поведение жертвы, давление, оказываемое на должностное лицо в связи с проведением расследования или предотвращением преступления, внешние обстоятельства и т.д.).

Суд последователен в своем стремлении напомнить государствам, что поведение жертвы никоим образом не должно рассматриваться в качестве *оправдания* использования запрещенных методов. Суд неоднократно повторял, что даже в таких сложных условиях, как борьба с терроризмом и организованной преступностью, ЕКПЧ безоговорочно запрещает применение пыток и бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание. Независимо от того, совершило ли лицо преступление, или подозревается в совершении такового, это не является релевантным условием при установлении нарушения запрета на жестокое обращение.

Суд признает бесспорность трудностей, связанных с борьбой с преступностью, в частности, с организованной преступностью и террориз-

мом. Он также признает необходимость проведения расследования указанных преступлений. В этом контексте, Суд считает приемлемым допущение некоторых исключений из правил сбора доказательств или отступлений от процедурных прав в ходе следствия. Однако, указанные трудности никоим образом не должны приводить к ограничению защиты физической неприкосновенности индивида.⁴⁰ Запрет на жестокое обращение в ходе допросов или собеседований, а также запрет на использование любых показаний, добытых с помощью применения недопустимых методов, остается, как уже отмечалось, абсолютным.

Также, независимо от характера совершенного преступления, государствам не разрешается прибегать в качестве средства устрашения к мерам наказания, противоречащим требованиям ст. 3.⁴¹ В этой связи необходимо отметить, что Суд не столь быстро реагировал в случае вынесения судебного приговора, тяжесть которого определяется продолжительным тюремным заключением. Однако, если речь идет о строгих условиях заключения, или, если приговор включает в себя элементы, выходящие за рамки тюремного заключения, то необходимо проводить оценку указанных условий с точки зрения их соответствия требованиям ст. 3.

Частью указанного абсолютного запрета на пытки также является недопущение отступления от ст. 3 в период военного времени. В то время как ст. 15 ЕКПЧ позволяет государствам, в условиях военного времени и других чрезвычайных ситуаций, отступить, по мере необходимости, от обычных стандартов соблюдения прав, закрепленных в большинстве положений Конвенции и Протоколов, не существует пункта, допускающего отступление от ст. 3. Напротив, в п. 2 ст. 15 четко сформулировано, что даже в случае чрезвычайных обстоятельств, угрожающих жизни нации, государству, подписавшему настоящую ЕКПЧ, не допускается применять жестокое обращение, запрещенное согласно ст. 3.⁴² Никакой конфликт или террористический акт не могут умалить право индивида на защиту от жестокого обращения.

Данное положение имеет экс-территориальный характер и действительно за пределами территории государства-участника. Существует ряд примеров применения ст. 3 в делах, касающихся высылки или депорта-

⁴⁰ *Томази против Франции*, решение от 27 августа 1992, серия А No.241-A §115.

⁴¹ цит.выше *дело Тайрера*, стр. 15. См. также ниже раздел о запрещенных формах наказания.

⁴² *Ирландия против Соединенного Королевства*, Постановление от 18 января 1978 г., серия А No.25, §163; *Сельмуни против Франции*, ЕСПЧ 1999-V, §95.

ции. Даже в случае наличия таких факторов как приоритетный договор об экстрадиции или необходимость привлечения к судебной ответственности лиц, подозреваемых в совершении террористических действий и покинувших страну для того, чтобы избежать правосудия, а также с учетом интересов защиты национальной безопасности государства, осуществляющего депортацию, ничто не может освободить последнее от ответственности не высылать то или иное лицо в другое государство, где ему реально грозит риск подвергнуться жестокому обращению.

Наконец, также необходимо отметить, что абсолютный запрет на использование пыток и жестокого обращения применим и в отношении лиц, задержанных по медицинским показаниям и/или подвергнутых медицинскому лечению. Суд неоднократно подчеркивал, что «наряду с тем, что медицинские органы обладают правом решать на основании признанных правил медицинской науки, какие терапевтические методы следует применять принудительно в целях охраны физического и психического здоровья своих пациентов в случае их полной неспособности самостоятельно принимать решения, и за которых они, следовательно, несут ответственность, тем не менее, указанные пациенты остаются под защитой ст. 3, требования которой не допускают каких-либо отступлений от нее»⁴³.

Содержание под стражей

В ходе обращения с задержанными возникает наибольшая вероятность многочисленных и частых нарушений ст. 3, но именно в подобных случаях необходимо строго следовать ее положениям. Действия сотрудников полиции, вооруженных сил или служб безопасности, а также тюремного персонала достаточно часто становятся предметом тщательного рассмотрения на соответствие нормам ст. 3. Кроме того, нужно упомянуть и о лицах, занятых в так называемой системе «гражданского задержания», тех, кто работает с пациентами медицинских учреждений, в частности, психиатрических больниц.

Лица, находящиеся в условиях лишения свободы, а, следовательно, под полным контролем властей, подвергаются наибольшему риску злоупотреблений со стороны представителей правоохранительных органов. Реализация этого контроля должна быть предметом присталь-

ного внимания с точки зрения ее соответствия положениям ЕКПЧ. Поэтому Европейскому комитету по предупреждению пыток (далее КПП) предоставлен мандат на посещение мест заключения для изучения условий содержания и обращения с *лицами, лишенными свободы*, с целью усиления, в случае необходимости, защиты указанных лиц от пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания.⁴⁴

В отношении лиц, лишенных свободы, при определении того, имело ли место жестокое обращение, в первую очередь, важно выяснить, применялась или нет против них физическая сила. основополагающее правило, сформулированное Судом, заключается в том, что применение против задержанного физической силы, необходимость которого не была обусловлена его поведением, ущемляет человеческое достоинство и, в принципе, нарушает его права, закрепленные в ст. 3.⁴⁵ Статья 3 защищает человеческое достоинство и физическую неприкосновенность, а любое применение физической силы ущемляет человеческое достоинство.⁴⁶

Наиболее очевидными свидетельствами применения физической силы могут быть видимые следы физических повреждений или хорошо заметные признаки психологической травмы. В том случае, если задержанный демонстрирует следы телесных повреждений или проявления плохого самочувствия при освобождении (на любом этапе своего задержания), на представителей властей, осуществляющих его задержание, лежит обязанность представить доказательства того, что указанные симптомы или проявления не связаны с моментом или фактом задержания.

Если лицо, получает телесные повреждения, находясь в условиях лишения свободы, в результате применения представителями властей физической силы, то им следует доказать, что использование физической силы было обусловлено поведением задержанного и ее применение было абсолютно необходимым. Бремя доказывания однозначно возлагается на власти, осуществляющие задержание лица, и именно они должны объяснить появление (возникновение) полученных травм. При этом

⁴⁴ Статья 1 ЕКПЧ.

⁴⁵ *Рибич против Австрии*, Постановление от 4 декабря 1995 г., Сб. решений и постановлений, 1996 г., стр.26, п.34; *Текин против Турции*, стр.1517-18, п.п.52 и 53, и *Ассенов и др. против Болгарии*, решение от 28 октября 1998 г., Сб. решений и постановлений 1998 –VIII, п.94.

⁴⁶ Там же.

⁴³ *Херцегфалви против Австрии*, Постановление от 24 сентября 1992 г., Серия А 24, §82.

необходимо провести оценку данного объяснения как с точки зрения его достоверности, так и совместимости со ст. 3.⁴⁷

Арест и допрос

Практически на каждой из стадий задержания возможны нарушения ст. 3 – с первого момента задержания (аресте полицией или военными властями), до момента освобождения из под стражи.

В деле *Ильхан против Турции* заявитель был жестоко избит во время ареста. Удары, в том числе и по голове, наносились, прикладами ружей в момент «захвата» сотрудниками службы безопасности заявителя, который пытался скрыться. Только спустя значительное время заявитель смог получить доступ к медицинской помощи. По мнению Суда, подобное обращение было равносильно пытке.

В деле *Ассенов против Болгарии*, несмотря на то, что оказалось невозможным установить, каким образом были получены травмы и кто за них ответственен, но известно, что они были нанесены заявителю во время ареста.

В деле *Рибок против Словении* заявитель получил травмы лица во время своего ареста. Полиция заявила, что травмы явились результатом сопротивления, оказанного заявителем. Тем не менее, масштаб применения силы был чрезмерным и неоправданным, и власти не смогли представить разумных объяснений серьезности нанесенных травм: арест планировался заранее и, следовательно, была проведена оценка степени риска, численность полицейских значительно превосходила число подозреваемых и пострадавший вовсе не угрожал полиции оружием.⁴⁸

Когда жестокое обращение связано с получением информации или признания, нарушения наиболее вероятны в начальный период ареста – на стадии проведения собеседований или допросов. Это может происходить, скорее, в полицейском участке, чем в тюрьме. Данный факт также получил отражение в делах, рассмотренных Судом, и в документах КПП, указавшего, что, «КПП желает подчеркнуть, что судя по опыту, наибольший риск запугивания и физической жестокости возникает в период, непосредственно следующий за лишением свободы.»⁴⁹

КПП также отметил, что как взрослые, так и несовершеннолетние лица

наиболее высокому риску преднамеренного жестокого обращения подвергаются в полицейских учреждениях в сравнении с другими местами лишения свободы.⁵⁰

Как уже отмечалось, толкование и применение ст. 3 происходят с учетом, что ЕКПЧ - живой инструмент, который должен интерпретироваться в свете актуальных событий сегодняшнего дня.» Поэтому некоторые действия, которые ранее квалифицировались как «бесчеловечное и унижающее достоинство обращение» в противоположность «пытке», сегодня могут квалифицироваться иначе. В деле *Сельмуни против Франции* Суд указал на то, что «растущая необходимость применения более высоких стандартов в области защиты прав человека и основных свобод неизбежно и неуклонно требует большей твердости при оценке нарушений в сфере защиты фундаментальных ценностей демократического общества.»⁵¹

Это было подтверждено Судом в деле *Дикме*.⁵² Начиная с середины 90-х гг., Суду пришлось столкнуться с потоком жалоб от граждан на применение пыток в местах лишения свободы в государствах-участниках ЕКПЧ. Существует ряд типов поведения, которые могут квалифицироваться как «пытка» в смысле Конвенции. Они включают в себя:

- так называемое «палестинское подвешивание»: подвешивание за руки, связанные за спиной (*Аксой против Турции*);⁵³
- жестокие виды избиений (*Сельмуни против Франции, Дикме против Турции*);
- жестокое избиение в сочетании с отказом в медицинской помощи (*Ильхан против Турции*);
- применение электрического шока (*Аккос против Турции*);
- изнасилование (*Айдын против Турции*);
- *фалака/фаланга*: нанесение ударов по подошвам ног (*Салман против Турции; Греческое дело*⁵⁴).

В делах *Томази, Рибича и Текина* Суд признал, что задержанные подвергались бесчеловечному обращению в результате избиений.

Во всех упомянутых случаях речь идет о периоде содержания под стражей. Это лишний раз свидетельствует о важности того, чтобы юридическая система предусматривала основные гарантии защиты от жес-

⁴⁷ *Томази против Франции*, Постановление от 27 августа 1992, серия А по. 241-А, стр. 40-41, п.п. 108-111; *Рибич против Австрии*, Постановление от 4 декабря 1995, сб. решений и постановлений – 1996, стр. 26, п. 34; *Аксой против Турции*, Постановление от 18 декабря 1996, стр. 17, п. 61.

⁴⁸ *Ассенов против Болгарии*, Постановление от 28 октября 1998 г., сб. 1998 –VIII.

⁴⁹ Шестой общий доклад КПП (1996), §15 и аналогичные замечания в Девятом общем докладе КПП (1999), §23.

⁵⁰ Девятый общий доклад, §23.

⁵¹ *Сельмуни против Франции*, §101.

⁵² решение цит. выше, §92.

⁵³ *Аксой против Турции*, решение от 18 декабря 1996, сб. 1996-VI, §64.

⁵⁴ *Греческое дело*, Доклад Комиссии от 5 ноября 1969 г., Ежегодник 12.

того обращения в ходе задержания. Существует три ключевые гарантии: право задержанного лица информировать о факте своего задержания третью сторону по своему усмотрению (члена семьи, друга, консульство), право доступа к адвокату и право требовать медицинского освидетельствования врачом по своему выбору. Эти гарантии должны применяться с самого момента лишения свободы.⁵⁵

Необходимо также, чтобы с момента заключения под стражу представители властей, осуществляющие задержание, давали регулярный отчет о всех перемещениях задержанных, об их местонахождении в конкретный момент времени, а также о лицах, которые могли иметь доступ к задержанным.

Комментарий

15 июля 1995 г. в Российской Федерации был принят закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».⁵⁶

Согласно указанному закону основанием задержания и содержания под стражей является протокол задержания, который составляется не позднее 3 часов после доставления задержанного в орган дознания, к следователю или прокурору (ст. 92 УПК РФ). Местами содержания под стражей являются следственные изоляторы уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации, органов федеральной службы безопасности, изоляторы временного задержания органов внутренних дел.

При поступлении лица в место содержания под стражей, проводится медицинское освидетельствование состояния его здоровья, наличия телесных повреждений в том числе имеющих травмы, фиксируется в медицинской карте. Кроме того, при получении подозреваемым или обвиняемым телесных повреждений его медицинское освидетельствование проводится медицинскими работниками мест содержания под стражей незамедлительно. Медицинское освидетельствование также может быть произведено по решению лица, производящего дознание или рассле-

⁵⁵ Второй общий доклад КПП (1992), §36.

⁵⁶ СЗ РФ. 1995. №29. Ст. 2759.

дование по делу, по ходатайству подозреваемого, обвиняемого или их защитников. Отказ от проведения такого освидетельствования может быть обжалован прокурору или в суд (ст. 24 указанного закона).

Изложенные обстоятельства свидетельствуют о возможности оперативного и своевременного выявления применения к подозреваемому или обвиняемому мер физического воздействия, которые расценивались бы как пытка или бесчеловечное обращение.

Препятствием к применению физического или психического воздействия на подозреваемого или обвиняемого является и положение УПК РФ о допуске защитника к участию в уголовном деле с момента фактического задержания лица, подозреваемого в совершении преступления (ст. 49 УПК РФ).

Лица, уличенные в проведении заведомо незаконного задержания, заключении под стражу или содержании под стражей, могут быть привлечены к уголовной ответственности (ст. 301 УК РФ).

В ходе судебных разбирательств на национальном уровне при рассмотрении жалоб задержанных на плохое обращение, судьи внутренних судов должны получить от представителей правоохранительных органов опровержения того факта, что телесные повреждения были получены заявителями в условиях содержания под стражей либо доказательств того, что они явились следствием законных действий. Суд заявил, что «В случае смерти в условиях содержания под стражей, даже в связи с незначительными телесными повреждениями, на правительство возлагается особая обязанность представить по этому поводу удовлетворительное объяснение. *В этой связи, власти несут ответственность за обеспечение ведения аккуратного и подробного учета всех обстоятельств, связанных с задержанием того или иного лица, с тем чтобы иметь возможность представить убедительные объяснения по поводу появления любых физических повреждений.*»⁵⁷

Ранее КПП также подчеркивал важность указанной обязанности властей, отмечая, что «основные гарантии прав лиц, задержанных полици-

⁵⁷ Салман против Турции.

ей, были бы подкреплены (а работа сотрудников полиции, возможно, весьма облегчена), существованием единой и всесторонней системы учета, касающегося каждого задержанного и отражающего все аспекты содержания под стражей, а также действия, предпринятые в отношении задержанного (а именно: когда был лишен свободы и причины подобной меры; когда было сообщено о правах; признаки телесных повреждений, психических заболеваний и т.д.; когда вступил в контакт с ближайшими родственниками/консульством и адвокатом и был ими посещен; когда была предложена пища; когда был допрошен; когда был переведен в другое место или освобожден и т.д.).»⁵⁸

Условия содержания под стражей. Условия заключения иногда равносильны бесчеловечному или унижающему достоинство обращению. В данной сфере постоянно наблюдаются изменения основных стандартов, принятых в различных странах.⁵⁹ Деятельность КПП непосредственно влияет на этот процесс.

При обсуждении вопроса, касающегося условий содержания под стражей, можно выделить два аспекта: общие условия или окружение, в котором находятся задержанные, а также тюремный режим и конкретные условия их содержания. При проведении оценки соответствия условий содержания под стражей требованиям ЕКПЧ, во внимание принимаются такие факторы, как возраст, пол, состояние здоровья заключенного, представляемая им опасность, а также то, находится он под стражей в ожидании суда или нет.

Лицо, находящееся под стражей в ожидании суда, чья уголовная ответственность еще не подтверждена судебным решением, пользуется правом на презумпцию невиновности, применимым не только в уголовной процедуре, но и в условиях правового режима, определяющего права указанных лиц в местах содержания под стражей.

В том случае, если речь идет о заключенных с особыми потребностями, которые невозможно удовлетворить в местах их содержания, можно говорить об унижающем достоинство обращении.

В деле *Прайс* заявительница, страдавшая врожденной недоразвитостью всех четырех конечностей, а также многочисленными проблемами, свя-

⁵⁸ Второй общий доклад КПП, §40.

⁵⁹ В делах, рассматриваемых ранее, Суд и бывшая Комиссия, действительно, как кажется, не были склонны выносить решения о том, что условия содержания под стражей нарушают статью 3. Были даже случаи, когда признавалось нарушение международных стандартов, касающихся содержания под стражей, но при этом не усматривалось нарушение статьи 3. Решение от 11 декабря 1976 г., Ежегодник 20; решение от 11 июля 1977 г., D&R 10; *Крохер и Моллер против Швейцарии*, Доклад Комиссии, 16 декабря 1982 г., D&R 34.

занными с состоянием ее здоровья, включая нарушение работы почек, была подвергнута 7-дневному тюремному заключению за неуважение к суду в ходе разбирательства по гражданскому иску. Судья, принявший указанное решение, прежде, чем подвернуть пострадавшую немедленному тюремному заключению (мера, по мнению Суда, отличавшаяся чрезмерной жестокостью), не предпринял никаких шагов, направленных на обеспечение адекватных условий ее содержания. Условия, в которых она содержалась, совершенно не соответствовали ее медицинскому состоянию. И хотя отсутствовали какие-либо доказательства, свидетельствовавшие об определенном намерении унижить или запугать заявительницу, Суд счел, что содержание инвалида в условиях, в которых он подвергается риску переохлаждения, развития пролежней по причине отсутствия нормальной кровати, особых затруднений, связанных с умыванием или отправлением естественных потребностей, равносильно унижающему достоинство обращению, несовместимому со ст. 3.

Процесс развития норм, касающихся содержания под стражей, предполагает регулярный мониторинг условий содержания и обращения с заключенными с целью обеспечения их соответствия стандартам, закрепленным в ст. 3, а также контролю за тем, чтобы тот или иной вид обращения, не являющийся унижающим достоинство, не применялся в унижительной форме.

Зачастую в основе жалоб на бесчеловечное или унижающее достоинство обращение лежит применение такой меры как одиночное заключение или изоляция заключенного, но ни Суд, ни КПП не рассматривают одиночное заключение в качестве нарушения ст. 3. Однако, необходимо проявлять особую бдительность в тех случаях, когда лица, лишённые свободы, по каким-либо причинам (в дисциплинарных целях; вследствие представляемой ими «опасности» или из-за своего «беспокойного» поведения; в интересах уголовного расследования; по их собственной просьбе) содержатся в условиях, близких к одиночному заключению. Ситуация может измениться в случае продления срока одиночного заключения или его применения в отношении лица, содержащегося под стражей в ожидании суда или несовершеннолетнего.

КПП заявил, при некоторых обстоятельствах одиночное заключение может быть равносильно жестокому и унижающему достоинство обращению.⁶⁰ Суровость конкретной меры, продолжительность ее применения, преследуемые ею цели, кумулятивный эффект любых дополнительных мер, а также их воздействие на физическое и психическое состояние индивида – все эти факторы учитываются при

⁶⁰ Второй общий доклад КПП, §56.

оценке того, являлось применение одиночного заключения или изоляции индивида в том или ином конкретном случае нарушением ст. 3.⁶¹

Обыск с раздеванием донага в качестве особой формы обращения, которому подвергаются некоторые заключенные, при определенных обстоятельствах также может рассматриваться как унижающее достоинство. Суд признал, что наряду с необходимостью проведения подобных досмотров в целях обеспечения безопасности в тюрьмах и предотвращения беспорядков или преступлений, они должны осуществляться надлежащим образом. Например, если мужчину заставили раздеться донага в присутствии женщины, касались голыми руками его половых органов, его пищи – это совершенно однозначно свидетельствует об отсутствии уважения к заявителю и ущемляет его человеческое достоинство. Суд пришел к выводу, что поскольку подобные действия могли вызвать у заявителя чувство тревоги и неполноценности, способные унижить его, подобный досмотр равносителен унижающему достоинство обращению в смысле ст. 3 ЕКПЧ.⁶²

Комментарий

УПК РФ в качестве следственных действий по уголовному делу предусматривает освидетельствование и личный обыск подозреваемого или обвиняемого. Для проведения указанных следственных действий законом определены основания и порядок их проведения.

Так, освидетельствование проводится для обнаружения на теле человека особых примет, следов преступления, телесных повреждений, выявления состояния опьянения или иных свойств и признаков, имеющих значение для уголовного дела. При этом освидетельствование подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля может быть произведено только с их согласия, за исключением случаев, когда освидетельствование необходимо для оценки достоверности их показаний. О производстве освидетельствования выносится постановление. Если освидетельствование производится в отношении лица иного пола, то следователь при этом не присутствует, а само освидетельствование производится врачом (ст. 179 УПК РФ).

⁶¹ Решения от 11 июля 1973 г., Сб. решений 44, от 8 июля 1978 г. D&R14 и от 9 июля 1981 г.

⁶² *Валашинас против Литвы*, Постановление от 24 июля 2001.

Личный обыск производится при наличии достаточных данных полагать, что у лица могут находиться орудия преступления, предметы, документы и ценности, которые могут иметь значение для уголовного дела. Личный обыск может быть произведен при задержании лица или заключении его под стражу. При этом обыск производится только лицом одного с ним пола, в присутствии понятых и специалистов того же пола (ст. 184 УПК РФ).

В местах содержания под стражей, в целях безопасности подозреваемых и обвиняемых сотрудникам мест содержания под стражей предоставлено право проведения личного обыска и досмотра подозреваемых, обвиняемых, а также иных лиц при наличии достаточных оснований подозревать лиц в попытке проноса запрещенных предметов, веществ и продуктов питания при входе и выходе с территории мест содержания под стражей (ст. 34 закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»). Представляется, что указанные меры предосторожности вполне объяснимы и не могут расцениваться, как унижающие достоинство того или иного лица, подвергнутого личному обыску или досмотру.

Другие формы обращения, как то: использование наручников или других методов сдерживания и дисциплинарных мер, как например, лишение возможности пребывания на открытом воздухе или посещения родственниками, также должны являться предметом тщательного рассмотрения, предполагающего возможность их пересмотра, в целях обеспечения того, чтобы их применение не имело карательного характера и не приводило к унижающему достоинство обращению.

В *греческом деле*⁶³ Комиссия пришла к выводу, что условия содержания под стражей, отличающиеся переполненностью камер и неадекватностью системы отопления, санитарных условий, организации сна, питания, досуга, а также возможности контакта с внешним миром, являются унижающими достоинство. В настоящее время указанные условия, в частности, переполненность камер, все еще представляют большую проблему, что приводит к нарушению стандартов, закрепленных в ЕКПЧ.

⁶³ Ежегодник Европейской конвенции по правам человека 12, 1969.

В одном из дел, по крайней мере, в течение 2 месяцев заявителю пришлось проводить большую часть 24-часового дня практически исключительно на своей койке в камере, в которой отсутствовала система вентиляции, а также окно, по причине чего, там время от времени становилось нестерпимо жарко. Он также должен был справлять свои естественные потребности в присутствии другого заключенного, и в свою очередь, быть свидетелем аналогичных действий со стороны своего сокамерника. Суд счел, что условия заключения, на которые жаловался заявитель, унижали его человеческое достоинство и вызывали в нем чувства тревоги и неполноценности, которые могли его унижить и сломить физически и морально. Более того, Суд указал на то, что нежелание предпринять какие-либо шаги, направленные на улучшение содержания, несмотря на поступавшие жалобы, свидетельствовало об отсутствии уважения к заявителю. Таким образом, Суд признал, что условия содержания заявителя в изоляторе тюрьмы были равносильны унижающему достоинство обращению в смысле ст. 3 ЕКПЧ.⁶⁴

В другом деле речь шла о заключенном, содержащемся в переполненной и грязной камере, в которой отсутствовали надлежащие санитарные и спальные принадлежности, не было горячей воды, не проникал свежий воздух и дневной свет, а также не было условий для физических упражнений. Доклады КПП подтвердили те факты, на которые жаловался заключенный. В докладе КПП подчеркивалось, что условия и режим содержания в подобной камере совершенно не подходит для длительного пребывания там, степень ее переполненности значительно превышает допустимый уровень, а санитарные условия ужасающие.

Суд пришел к выводу, что условия содержания заключенного, в частности, чрезмерная переполненность камеры и отсутствие спальных принадлежностей, в сочетании с длительностью периода его пребывания в подобных условиях, могут квалифицироваться в качестве унижающего достоинство обращения, несовместимого со ст. 3.⁶⁵

Предполагается, что в результате рассмотрения указанных дел, и, в частности, благодаря созданию КПП и росту числа неправительственных организаций, осуществляющих мониторинг условий содержания в тюрьмах, в настоящее время стало неприемлемым существование таких условий содержания в тюрьмах, которые не соответствовали бы международным стандартам. Хотелось бы надеяться, что Суд будет проявлять все большую тщательность и бдительность в этом вопросе, а также возрастут требования, предъявляемые к национальным властям, по принятию аналогичных мер.

Поскольку ст. 3 имеет безусловный характер, не допускается каких-

⁶⁴ *Пицс против Греции*, Постановление от 19 апреля 2001 г.

⁶⁵ *Дугоз против Греции*, Постановление от 6 марта 2001 г.

либо объяснений, оправдывающих неадекватность существующих условий содержания таких, как переполненность камер или отсутствие спальных или санитарных принадлежностей, соображениями экономического или организационного характера.⁶⁶ КПП также указал на то, что жестокое обращение может принимать многочисленные формы, многие из которых не преднамеренны, а скорее являются результатом организационных ошибок или недостаточности ресурсов.⁶⁷

Конкретные ситуации и методы обращения, подпадающие, согласно ст. 3, под категорию унижающих достоинство, включают в себя, как уже отмечалось, переполненность камер,⁶⁸ отсутствие мероприятий, связанных с пребыванием на открытом воздухе, отсутствие контакта с внешним миром, неадекватные санитарные и гигиенические условия,⁶⁹ а также отсутствие необходимой медицинской или стоматологической помощи.⁷⁰ На государственные власти возлагается обязанность обеспечить охрану здоровья лиц, находящихся в условиях лишения свободы.⁷¹ Отсутствие надлежащей медицинской помощи может квалифицироваться в качестве обращения, несовместимого со ст. 3.⁷²

⁶⁶ В серии дел, касающихся вопроса продолжительности периода гражданского судебного разбирательства, Суд неоднократно подчеркивал, что на государства возлагается обязанность обеспечить функционирование своей юридической системы в соответствии с требованиями справедливого суда (ст. 6). См., например, *Мути против Италии*, Серия А 281-С; *Зюбманн против Германии*, Постановление от 16 сентября 1996, сб. 1996-IV. В случае ст. 3, возлагаемая на государства обязанность организовать систему содержания под стражей таким образом, чтобы заключенные не подвергались унижающему достоинство обращению, приобретает еще более насущный характер.

⁶⁷ Второй общий доклад КПП, §44.

⁶⁸ Седьмой общий доклад КПП (1997), §13: «КПП многократно был вынужден заявлять, что следствием пагубного воздействия переполненности тюрем являются бесчеловечные и унижающие достоинство условия содержания.»

⁶⁹ КПП особо выделил данный аспект применительно к гигиеническим потребностям женщин. Десятый общий доклад КПП, §31: «Необходимо обеспечить адекватное удовлетворение особых нужд женщин в гигиеническом отношении. При этом особое значение приобретает обеспечение беспрепятственного доступа к пользованию туалетом и условиями для мытья, а также предоставление туалетных принадлежностей, таких как гигиенические пакеты и тампоны. Неспособность обеспечить адекватные условия, необходимые для поддержания нормальной жизнедеятельности, может квалифицироваться как унижающее достоинство обращение.»

⁷⁰ Третий общий доклад КПП (1993), §30: «Недостаточный уровень медицинского обслуживания может быстро привести к ситуации, подпадающей под определение «бесчеловечное и унижающее достоинство обращение.»

⁷¹ *Хуртадо против Швейцарии*, доклад Комиссии от 8 июля 1993, серия А по. 280, стр. 16, п. 79.

⁷² *Ильхан против Турции*, ЕСПЧ 2000-VII.

Содержание под стражей по медицинским показаниям. При оценке того, нарушает ли то или иное обращение или наказание положения ст. 3, в частности, в случае лиц, страдающих психическими заболеваниями, необходимо принимать во внимание их незащищенность и неспособность, в некоторых случаях, последовательно формулировать свои претензии по поводу неподобающего обращения с ними.⁷³

В деле против Соединенного Королевства Суд признал, что отсутствие эффективного надзора за состоянием здоровья пострадавшего, а также участия квалифицированного специалиста-психиатра в процессе оценки его состояния и лечения свидетельствовало о серьезных недостатках в организации медицинской помощи лицу, страдающему психическим заболеванием и известного своими суицидальными наклонностями.

Наложение на него серьезного дисциплинарного наказания – 7-дневного пребывания в карцере, затем дополнение 28 дней к его приговору (за 9 дней до ожидаемого освобождения), безусловно, могло сломить его физически и морально, что несовместимо с общепринятыми нормами обращения, предусматриваемого в отношении лиц, страдающих психическими заболеваниями. Суд счел, что это должно рассматриваться в качестве бесчеловечного и унижающего достоинство обращения и наказания в смысле статьи 3 ЕКПЧ.⁷⁴

В случае принудительного помещения в психиатрическое учреждение, в деле *против Австрии*, заявитель, г-н Херцегфалви, жаловался на то, что назначенное ему медицинское лечение нарушает ст. 3, поскольку он подвергался насильственному кормлению и приему лекарственных препаратов, и при этом его содержали в полной изоляции, прикованным наручниками к специальной койке. Хотя Комиссия признала несоответствие методов лечения заявителя требованиям ст. 3, тем не менее, она не согласилась с тем, что указанные методы отличались жестокостью или чрезмерной продолжительностью. Правительство утверждало, *inter alia*, что медицинское лечение имело срочный характер, ввиду резкого ухудшения физического и психического состояния заявителя, и что именно сопротивление заявителя всякому лечению, а также его повышенная агрессивность в отношении к больничному персоналу стали причиной применения к нему насильственных мер, включая использование наручников и специальной койки. Далее, говорилось о том, что применение указанных мер имело исключительно терапевтический характер, и они были отменены, как только состояние пациента позволило это сделать.

Хотя Суд указал на то, что положение униженности и бесправия является

типичным для пациентов, находящихся в психиатрических больницах и призвал к большей бдительности при рассмотрении вопросов о соответствии условий их содержания требованиям ЕКПЧ, он не согласился с оценкой Комиссии. Суд выразил обеспокоенность по поводу продолжительности периода времени, в течение которого в отношении заявителя применялись наручники и специальная койка, однако, он счел предоставленные ему доказательства недостаточными для опровержения аргументов правительства об оправданности применения обсуждаемых методов лечения.

Следует учитывать, что общепринятые стандарты психиатрического лечения также меняются. Необходима особая бдительность в отношении применения таких методов сдерживания, как наручники, ремни, смирительные рубахи и т.д. Их использование должно быть оправданно в исключительно редких случаях. Юридическая система, допускающая регулярное применение указанных методов, особенно в тех случаях, если они не были назначены врачом либо не было получено врачебное одобрение, по всей вероятности, будет признана не соответствующей требованиям ЕКПЧ.

Если, в качестве исключения, все же пришлось прибегнуть к мерам физического сдерживания, то при первой же возможности их необходимо отменить. Продление их применения будет квалифицироваться в качестве нарушения ст. 3. Более того, подобные меры никогда не должны применяться, или их применение не должно продлеваться, в качестве наказания. В том случае, если они применяются с целью наказания, это является нарушением ст. 3.

КПП четко заявил, что в тех случаях, когда ему пришлось встречаться с пациентами психиатрических больниц, в отношении которых применялись средства физического сдерживания на протяжении ряда дней, он не мог усмотреть никакого терапевтического оправдания указанным действиям, которые, по его мнению, равносильны жестокому обращению.⁷⁵

Практика изолирования (т.е. заключения в отдельное помещение) буйных или иных «неуправляемых» пациентов также может касаться положений ст. 3. КПП подчеркнул, что изоляция никогда не должна применяться в отношении психиатрических пациентов в качестве наказания.⁷⁶

В тех случаях, когда изоляция применяется в других, отличных от наказания, целях, она должна быть предметом детально разработан-

⁷³ *Херцегфалви против Австрии*, Постановление от 24 сентября 1992, серия А по. 244, п. 82; *Аертс против Бельгии*, Постановление от 30 июля 1998, сб. 1998-V, стр. 1966, п. 66.

⁷⁴ *Кинан против Соединенного Королевства*, Постановление от 3 апреля 2001.

⁷⁵ Восьмой общий доклад КПП, §48.

⁷⁶ Там же, §49.

ной политики, определяющей, в частности: в каких случаях она может быть использована; с какой целью; продолжительность применения данной меры и необходимость регулярного ее пересмотра; существование необходимого человеческого контакта; необходимость особого внимания со стороны персонала. Ввиду роста все более отчетливой тенденции в современной психиатрической практике в пользу отказа от изоляции пациентов и сомнений по поводу терапевтического эффекта данной меры, несоблюдение приведенных выше условий будет касаться соответствия указанной практики ст. 3.

В отношении конкретных методов психиатрического лечения существует несколько мнений по поводу того, подпадают ли они или нет под категорию унижающего достоинство обращения. Одной из таких сфер является применение электрошоковой терапии (далее ЭШТ). Несмотря на то, что ЭШТ остается признанным методом лечения, соответствующим общепринятым принципам психиатрической практики, КПП выразил особую озабоченность в связи с применением ЭШТ в ее немодифицированной форме (т.е. без использования анестезии и мышечных релаксантов). Он полагает, что данный метод не может более рассматриваться в качестве приемлемого уже в современной психиатрической практике. По его мнению, процедура как таковая является унижительной как для пациентов, так и для осуществляющего ее персонала.⁷⁷

Поскольку применение ЭШТ, даже в ее модифицированной форме, имеет унижительный характер, КПП указал на то, что ЭШТ должна проводиться вне поля зрения других пациентов (желательно в отдельном помещении, специально для этого оборудованном) и персоналом, получившим специальную подготовку в проведении данной процедуры.

Другие пункты задержания. Содержание под стражей может осуществляться не только в тюрьмах или полицейских участках, поэтому, где бы ни находились лица, лишённые свободы, стандарты, применяемые в отношении условий их содержания, должны рассматриваться в соответствии с требованиями ст. 3. Среди наиболее типичных мест задержания можно выделить специальные помещения для задержанных иммигрантов в пунктах въезда в страну в портах и аэропортах.

КПП неоднократно указывал на неадекватность условий содержания в пунктах задержания при въезде в страну, в особенности, для длительного пребывания. Так, например делегации КПП неоднократно сталкивались со случаями, когда задержанных в течение многих дней содержа-

ли в плохо приспособленных залах аэропорта. Совершенно очевидно, что таким лицам должны быть созданы подходящие условия для сна, обеспечен доступ к своему багажу и надлежащим образом оборудованной душе и туалету, а также разрешено ежедневно совершать прогулку на открытом воздухе. Кроме того, им должны гарантироваться доступ к пище и, при необходимости, медицинское обслуживание.

Депортация. Наблюдается существенный рост числа дел, касающихся выдачи или депортации лиц в страну, где они могут быть подвергнуты обращению, не соответствующему нормам ст. 3. В результате их рассмотрения Суд принял решение об ответственности Договаривающейся стороны в соответствии с ЕКПЧ.

Впервые этот принцип был применен в деле *Серинга*, в котором правительство США требовало экстрадиции из Соединенного Королевства лица, обвиняемого в совершении убийства в штате Вирджиния. Заявитель настаивал на том, что если его подвергнут экстрадиции, то в случае его осуждения в США за убийство, для него существует реальный риск быть приговоренным к смертной казни и, в частности, испытать на себе так называемый «синдром камеры смертников», который, по его утверждению, равносителен бесчеловечному обращению. Синдром камеры смертников может развиваться в результате комбинированного воздействия ряда факторов, связанных с условиями содержания в тюрьме особо строгого режима, воздействию которых заключенный может подвергаться в течение многих лет в силу продолжительности периода апелляционного процесса, постоянно пребывая в состоянии психологической агонии перед лицом ожидаемой смерти. В данном деле такие факторы, как возраст заявителя в момент совершения им преступления (моложе 18 лет), а также его психическое состояние, способствовали тому, что Суд признал указанные условия бесчеловечными и унижающими достоинство. Затем Суд вынес решение о том, что с учетом всех вышеприведенных обстоятельств в случае экстрадиции заявителя в США, правительство Соединенного Королевства нарушит ст. 3.

В ряде дел, рассмотренных после за дела *Серинга*, свое дальнейшее развитие получил принцип, согласно которому, в том случае, если имеются веские основания полагать, что выданное лицо столкнется с реальным риском подвергнуться пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию в стране, требующей его экстрадиции, то речь может идти только об ответственности осуществившего экстрадицию государства-участника ЕКПЧ, действия которого можно расценить как причину плохого обращения, запрещаемого ЕКПЧ.⁷⁸

⁷⁷ Там же, §39.

⁷⁸ *Серинг против Соединенного Королевства*, Постановление от 7 июля 1989 г., серия А no. 161, стр. 35. п.п. 90-91.

Необходимо проявлять особую тщательность в подходе к утверждению заявителя о том, что его/ее депортация в третью страну связана с риском подвергнуться там обращению, запрещенному ст. 3. Автоматическое и механическое применение таких требований, как, на, соблюдение краткосрочного лимита времени для подачи заявления о предоставлении убежища, должны рассматриваться как противоречащие принципу защиты прав по ст. 3 ЕКПЧ.

Вопрос о том, предлагает ли в целом процесс принятия решений соответствующие гарантии против высылки лиц в те страны, где они рискуют подвергнуться пыткам или бесчеловечному обращению, также находится в центре внимания КПП, поскольку его основная функция носит превентивный характер. КПП выразил желание исследовать вопрос о том, предлагает ли применяемая процедура заинтересованным лицам реальную возможность представить свои жалобы, а также получили ли должностные лица, которым поручено рассмотрение подобных жалоб, соответствующую подготовку и имеют ли они доступ к объективной и независимой информации о ситуации с правами человека в других странах. КПП также считает, что ввиду особой важности рассматриваемых интересов, решение, связанное с выдворением лица с территории того или иного государства, должно подлежать обжалованию перед другим, независимым, органом, до его исполнения.

Среди дел, в ходе рассмотрения которых Суд вынес решения о соответствии действий (депортации) ст. 3: дело о депортации в Индию индийского гражданина – участника движения сидхов-сепаратистов штата Пенджаб, дело о депортации иранской женщины обратно в Иран, где ей весьма вероятно угрожала смертная казнь по обвинению в неверности, а также дело о высылке в Занзибар политического оппонента существующему режиму, который ранее подвергался там пыткам.⁷⁹

Исчезновения. Данное явление напрямую связано со ст. 3. Можно говорить об «исчезновении» в том случае, если лицо подвергается задержанию официальными представителями власти или лицами, действующими от их имени или по их поручению, и при этом последние отказываются подтвердить факт задержания. За неподтвержденными фактами задержания зачастую скрывается либо смерть «исчезнувшего» лица, либо полное молчание по поводу судьбы «исчезнувшего», что заставляет его родственников и друзей считать, что он умер. В данной ситуации возможны два вопроса: 1) каким образом подобные действия затрагивают

достоинство лица, подвергнутого неподтвержденному задержанию, и 2) какое воздействие подобные действия оказывают на родных и близких исчезнувшего лица?

Суд предпочел рассматривать вопрос об исчезновении лица не в качестве бесчеловечного или унижающего достоинство обращения, а в рамках ст. 5 (лишение свободы). Признав, что в некоторых случаях могут существовать доказательства того, что пострадавшие подверглись плохому обращению до своего «исчезновения»,⁸⁰ Суд, однако, отметил, вопрос о том, какому обращению исчезнувшее лицо подвергалось, может быть лишь предметом спекуляций. Суд считает, что обращение с лицами, содержащимися в условиях отсутствия официальной регистрации и соблюдения необходимых судебных гарантий, является отягчающим и дополнительным обстоятельством, но скорее, для ст. 5 (лишение свободы), чем ст. 3.

Тем не менее, Суд признал необходимость рассмотрения вопроса о воздействии «исчезновения» того или иного лица на его родственников.

В деле *Курт против Турции*, в котором заявительница жаловалась на исчезновение своего сына после его задержания группой военнослужащих турецкой армии и работников местного полицейского подразделения, Суд отметил, что заявительница обратилась к государственному прокурору в дни, последующие за исчезновением ее сына, в твердой уверенности, что он находится под стражей. Она утверждала, что видела своего сына в последний раз в момент его задержания в деревне, после чего он больше не появился, что вызвало у нее беспокойство по поводу его безопасности. Однако, государственный прокурор не придавал серьезного значения ее жалобе. Вследствие этого, она в течение длительного времени пребывала в состоянии подавленности и тревоги, зная, что ее сын содержится под стражей, но не имея при этом никаких официальных сведений о его судьбе.

Принимая во внимание вышеуказанные обстоятельства, а также тот факт, что в качестве заявительницы выступала мать жертвы нарушения прав человека, которая, в свою очередь, сама стала жертвой высокомерия властей, Суд счел, что государство-ответчик нарушило ст. 3 ЕКПЧ в отношении заявительницы. При этом Суд совершенно однозначно заявил, что дело Курт никоим образом не устанавливает общий принцип, согласно которому родственник «исчезнувшего лица» неизбежно становится жертвой обращения по ст. 3.

Признание члена семьи в качестве подобной жертвы будет зависеть от наличия особых факторов, придающих состоянию заявителя такой характер, который отличал бы его от обычной эмоциональной подавлен-

⁷⁹ *Джабари против Турции*, Постановление от 11 июля 2001 г.

⁸⁰ *Курт против Турции и Кайя против Турции*.

ности, обычно возникающей у родственников жертвы серьезного нарушения прав человека. Среди этих факторов:

- степень семейного родства (в данном контексте, более существенное значение придается связям между родителями и детьми);
- особый характер взаимоотношений;
- степень, до которой член семьи стал свидетелем рассматриваемых событий;
- стремление члена семьи получить какие-либо сведения об исчезнувшем родственнике;
- реакция власти.

В деле *Тас против Турции* Суд пришел к выводу, что, принимая во внимание равнодушие и черствость властей в отношении заявителя, а также ту острую тревогу и неопределенность, которую он испытывал вследствие этого, заявитель стал жертвой поведения властей, которое можно квалифицировать в качестве нарушения ст. 3 ЕКПЧ. Аналогичный подход был избран и в делах *Тимуртас* и *Чичек*, где в качестве заявителей выступали родители исчезнувших лиц, пострадавшие от равнодушия и черствости властей.

Суд подчеркнул, что наиболее существенную роль в признании подобного нарушения играет не столько факт «исчезновения» родственника, сколько реакция и отношение властей к данной ситуации, после того как им стало о ней известно. В частности, именно последний аспект наиболее важен, поскольку родственник исчезнувшего лица непосредственно может объявить себя жертвой поведения властей.⁸¹

Комментарий

Задержание лица, подозреваемого в совершении преступления обусловлено обязательным уведомлением об этом кого-либо из близких родственников, а при их отсутствии - других родственников. Такая обязанность лежит на дознавателе, следователе или прокуроре, которые должны сделать уведомление не позднее 12 часов с момента задержания подозреваемого. Закон позволяет уведомить о своем задержании самому подозреваемому (ч.1 ст. 96 УПК).

Вместе с тем, при необходимости сохранения тайны задержания лица в интересах предварительного следствия, уведомление

родственников или других лиц может не производиться, на что должна быть получена санкция прокурора (ч.4 ст. 96 УПК). Представляется, что указанная мера должна быть в любом случае временной и когда необходимость в сохранении тайны задержания отпадает, родственники должны быть извещены о задержании лица. Промежуток времени между задержанием и извещением родственников в этом случае не должен быть большим.

Если задержанным является несовершеннолетний, о его задержании в любом случае должны быть поставлены в известность родители или лица, их заменяющие (ч.4 ст. 96 УПК).

При задержании в качестве подозреваемого военнослужащего об этом извещается командование воинской части, а если задерживается гражданин или подданный другого государства, в известность должны быть поставлены посольство или консульство этого государства (ст. 96 УПК РФ).

При избрании лицу меры пресечения в виде заключения под стражу также должны быть уведомлены родственники или другие лица подозреваемого или обвиняемого, которым сообщается также и место содержания лица под стражей. Это делается для того, чтобы в дальнейшем обеспечить право содержащегося под стражей лица на его свидание с родственниками (два свидания в месяц продолжительностью не менее 3 часов каждое) (ч. 11 ст. 108 УПК).

Дискриминация. В деле *Абдулазиз, Кабалез и Балкандали против Соединенного Королевства* Комиссия постановила, что узаконенный расизм равносителен унижающему достоинство обращению. Изучив факты дела, Суд не согласился с этим решением, признав, однако, правомерность того принципа, что подобная дискриминация может приводить к унижающему достоинство обращению. Этот подход был поддержан Судом. При рассмотрении заявления группы лиц, уволенных из британских вооруженных сил по причине их сексуальной ориентации, Суд заявил, что это «не исключает того, что обращение, основанное на предубеждении части...большинства против...меньшинства, может, в принципе, попадать в сферу действия ст. 3.»⁸²

Тем не менее, Суд пришел к выводу, что несмотря на бесспорно унижительный и озорчительный характер для каждого из заявителей поведения властей в сочетании с расследованием и последующим увольнением, при-

⁸¹ *Чакичи против Турции*, Постановление от 8 июля 1999 г., сб. 1999, п.п. 98-99.

⁸² *Абдулазиз, Кабалез и Балкандали против Соединенного Королевства*, Постановление от 28 мая 1985 г., серия А по.94, стр.42, п.п.90-91.

нимая во внимание все обстоятельства дела, обращение не достигло минимального уровня тяжести, необходимого для рассмотрения его в формате ст. 3 ЕКПЧ.⁸³

ПОЗИТИВНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ПО СТАТЬЕ 3

Для эффективного применения положений ст. 3 необходим ряд гарантий, сформулированных в национальном законодательстве и касающихся вопросов защиты индивида не только от жестокого обращения со стороны представителей государства, но и частных лиц (*Drittwirkung effect* (защита от действий третьих сторон)), также необходимо учесть возможность возмещения ущерба пострадавшим от подобного обращения. В процедурном аспекте следует организовать процесс рассмотрения жалоб таким образом, чтобы они были рассмотрены в полном объеме.

Процедурные права по статье 3

Статьи 1 и 3 ЕКПЧ налагают ряд определенных обязательств на Высокие Договаривающиеся Стороны, направленные на предотвращение и обеспечение правовой защиты от пыток и других видов жестокого обращения. В связи с делом *Ассенов и другие против Болгарии*⁸⁴ Суд указал, если лицо делает обоснованное заявление о том, что оно подвергалось жестокому обращению со стороны полиции или других представителей государства, и эти действия нарушают ст. 3, то, согласно указанному положению в сочетании с общим обязательством, налагаемым на государства по ст. 1 ЕКПЧ, «обеспечить каждому, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в настоящей Конвенции,» предполагается, что должно быть проведено тщательное официальное расследование. В ходе которого должны быть выявлены и наказаны виновные в указанных противозаконных действиях. Однако, в данном случае речь идет об обязанности государства, применимой лишь в отношении плохого

обращения, предположительно имевшего место в пределах его юрисдикции.

В деле *Лабита против Италии* Суд подтвердил это, заявив, что общий юридический запрет на применение пыток и бесчеловечное и унижающее достоинство обращение и наказание (несмотря на свое существенное значение), был бы не эффективен на практике, если бы в некоторых случаях представители государства имели возможность безнаказанно нарушать права лиц, находящихся под их контролем.

Drittwirkung effect (защита от действий третьих сторон). В последние годы Суду пришлось столкнуться с рядом дел, касающихся унижающего достоинство или бесчеловечного обращения не столько со стороны государственных представителей, сколько со стороны частных лиц.

При рассмотрении подобных дел Суд определил масштабы применения ст. 3, а также указал на одну из тех сфер, в которой выполнение обязательств по ст. 3 должно играть наиболее существенную роль. Подобные ситуации подчеркивают возложенную на государство ответственность по обеспечению принятия превентивных мер и процедур, эффективно защищающих граждан от бесчеловечного обращения, независимо от источника его происхождения.

Как уже указывалось выше, обязательство, возложенное на Высокие Договаривающиеся Стороны по ст. 1 ЕКПЧ, обеспечить каждому, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, закрепленные в настоящей Конвенции, в сочетании со ст. 3, требуют от государств принятия мер, направленных на обеспечение того, чтобы лица, находящиеся под их юрисдикцией, не подвергались пыткам и бесчеловечному или унижающему достоинство обращению, в том числе и со стороны частных лиц.

В деле *против Соединенного Королевства*, ставшем своего рода судебной классикой, речь шла о мальчике, жестоко избитом своим отчимом. Отчиму было предъявлено обвинение в жестоком нападении, однако, в Соединенном Королевстве закон разрешает родителю ребенка ссылаться на так называемое «родительское наказание» в случае предъявления родителю обвинения в избивании ребенка.⁸⁵ Ребенок и его отец оспаривали данный закон в Суде, указывая на отсутствие во внутреннем законодательстве системы защиты индивида от недопустимого обращения. Суд согласился с мнением пострадавших и заявил, что государства обязаны принимать определенные меры, обеспечивающие, чтобы лица, находящиеся в их юрисдикции,

⁸³ *Смит и Грейди против Соединенного Королевства*, Постановление от 27 сентября 1999 г.

⁸⁴ Постановление от 28 октября 1998 г., сб. 1998-VIII.

⁸⁵ Постановление от 23 сентября 1998 г., сб. 1998-VI.

не подвергались пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию.⁸⁶

Также, в своих последних решениях Суд однозначно подчеркнул, что государства должны принимать меры, обеспечивающие, чтобы граждане, находящиеся в их юрисдикции, не подвергались пыткам и бесчеловечному или унижающему достоинство обращению, включая и подобное плохое обращение, осуществляемое отдельными лицами. Указанные меры должны предусматривать эффективную защиту, в частности, детей и других незащищенных лиц, и включать в себя разумные действия по предотвращению случаев жестокого обращения, о которых известно или должно быть известно властям. Это также непосредственно относится к ситуациям, при которых граждане находятся на попечении местных властей, например, под их надзором или опекой.

В других случаях, касающихся халатности в работе социальных служб, также было усмотрено нарушение ст. 3. Например, в деле, где в качестве заявителей выступали четверо детей, подвергавшихся таким злоупотреблениям, которые, и это не оспаривалось, достигали порога бесчеловечного и унижающего достоинства обращения. К этому факту было привлечено внимание местных властей, которые были обязаны по закону обеспечить защиту детей, будучи наделены рядом особых полномочий, включая и лишение родительских прав. Тем не менее, дети были лишь взяты под временную опеку, и по настоянию их матери, спустя значительное время. В период, растянувшийся на 4,5 года, дети, находясь дома, продолжали подвергаться тому, что осмотревший их детский психиатр-консультант впоследствии назвал «ужасающими испытаниями». Совет по вопросам компенсации последствий уголовно наказуемых телесных повреждений, также признал, что в течение продолжительного периода времени дети подвергались ужасному обращению, страдая физически и психически, в результате прямого применения насилия.

Признавая сложность и деликатность решений, которые приходится принимать представителям социальных служб, а также важность соблюдения принципа уважения и охраны семейной жизни, Суд, однако, признал, что, вне всякого сомнения, указанное дело свидетельствовало о неспособности существующей системы защитить детей-заявителей от серьезных и продолжительных злоупотреблений и издевательств.⁸⁷

⁸⁶ *А. против Соединенного Королевства*, постановление от 23 сентября 1998 г., сб. 1998-VI, п. 22.

⁸⁷ *Z. и др. против Соединенного Королевства*, Постановление от 10 мая 2001 г.

Комментарий

В судебной практике Российской Федерации крайне редки случаи обращения в суд с исками о применении насилия к потерпевшему со стороны третьих лиц.

В то же время законодательство Российской Федерации такие возможности предоставляет.

Так в ст. 56 Семейного кодекса Российской Федерации провозглашено право ребенка на защиту от злоупотреблений со стороны родителей. При нарушении родителями прав и законных интересов ребенка, он вправе самостоятельно обращаться за защитой в орган опеки и попечительства, а по достижении возраста 14 лет – в суд. Должностные лица организаций и иные граждане, которым станет известно об угрозе жизни или здоровью ребенка, о нарушении его прав и законных интересов, обязаны сообщить об этом органам опеки и попечительства по месту фактического нахождения (проживания) ребенка.⁸⁸

УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, если это деяние сопряжено с жестоким обращением с несовершеннолетним (ст. 134 – лишение свободы до 2 лет). Предусмотрены меры уголовного наказания и за ряд других преступлений, связанных с физическим и психическим насилием, связанным с бесчеловечностью и унижением достоинства человека (убийство, совершенное с особой жестокостью – ч. 2 ст. 105 УК; доведение до самоубийства – ст. 110 УК; умышленное причинение тяжкого вреда здоровью – ст. 111 УК и т.д.).

МЕРЫ В ОТНОШЕНИИ ПРЕДПОЛАГАЕМЫХ НАРУШЕНИЙ СТАТЬИ 3

Судебные органы и положения ст. 3. Положения ст. 3 требуют от судебных властей высокой бдительности, т.к. в своей деятельности они вольно или невольно способны их нарушить.

⁸⁸ Семейный кодекс Российской Федерации. СЗ РФ. 1996. № 1. Ст.16; СЗ РФ.1998. № 26. Ст. 3014

Судебные органы обязаны не предпринимать запрещенные действия, как, например, наложение незаконных санкций, на них также возлагается обязанность проводить расследование всех случаев предполагаемых нарушений ст. 3: а именно, уметь выявлять случаи подобных нарушений и принимать эффективные ответные действия. Поскольку несоблюдение ст. 3 является серьезным нарушением основных гарантий прав человека, то расследования указанных предполагаемых нарушений должны проводиться на самом высоком уровне с особой тщательностью и эффективностью, а также приводить к выявлению виновных и их наказанию. Для выполнения этой задачи судебные органы должны обладать способностью определять и правильно анализировать те формы поведения, которые несовместимы со ст. 3, а также иметь возможность применять необходимые санкции в том случае, если нарушение имело место.

Неспособность адекватно реагировать на заявления о предполагаемых нарушениях может квалифицироваться в качестве отдельного и самостоятельного нарушения ст. 3 со стороны судебных органов, которое возможно из-за несоблюдения процедурных аспектов ст. 3 или потому, что действия (или бездействие) судебных органов стали причиной страха и опасений лиц, ищущих средств правовой защиты.

Судебные органы также должны иметь в своем распоряжении инструменты, помогающие им обеспечить эффективную защиту лиц от недопустимого обращения, т.е. законодательство должно предусматривать эффективное использование средств правовой защиты в формате ст. 3. Наличие пробелов в законодательстве может потенциально приводить к нарушению ст. 3 со стороны судебных органов.

Расследование случаев предполагаемого применения пыток

В том случае, если на внутригосударственные органы возлагается обязанность расследовать случаи предполагаемого применения пыток или бесчеловечного обращения, вопрос о том, на ком лежит бремя доказывания, обычно определяется в зависимости от того, в какой сфере проводится указанное расследование, в уголовной или гражданской.

Однако, существуют некоторые аспекты, которые внутригосударственные органы также должны учитывать в ходе проведения расследования, чтобы удовлетворять требованиям ст. 3. Например, Суд подчеркнул, если лицо при его задержании полицией находилось в добром здравии, а в момент освобождения у него были обнаружены телесные повреждения, то на власти возлагается обязанность представить правдоподобное объяснение причин появления указанных по-

вреждений,⁸⁹ т.е. следственные органы должны начинать свое расследование на том основании, что пострадавшие представили доказательства, *prima facie*, того, что в момент освобождения у них имелись телесные повреждения, несмотря на то, что они находились в добром здравии в момент задержания.

Чтобы удовлетворять требованиям ст. 3 расследования должны отличаться тщательностью и эффективностью. Для этого необходимо оценить, какое количество элементов расследования жалоб на применение пыток нужно рассмотреть для определения того, соблюдены ли или нет процедурные требования ст. 3. Судьи и органы надзора, участвующие в подобных расследованиях, должны проявлять особое внимание в отношении следственных процедур. При проведении расследования должны выполняться следующие условия:

а) государственные прокуроры или следователи должны иметь возможность беспрепятственно проводить допросы или собеседования с представителями служб безопасности или полиции в связи с жалобами на их недопустимое поведение;

б) государственные прокуроры или следователи должны принимать необходимые меры, направленные на проверку документальных свидетельств, подтверждающих или опровергающих жалобы на жестокое обращение, а именно, протоколов о задержании, на предмет выявления каких-либо несоответствий, неточностей или пробелов в информации, представляемой полицией или службами безопасности;

в) прокуроры должны предпринимать шаги по поиску независимых, подтверждающих свидетельств, включая результаты судебной экспертизы, при рассмотрении жалоб на применение пыток. В деле *Айдын против Турции*⁹⁰, несмотря на то, что заявительница направила жалобу, в которой утверждалось, что она подверглась изнасилованию, государственный прокурор не организовал проведения необходимых медицинских анализов, направив пострадавшую на тест по определению состояния девственности, вместо теста на выявление признаков насильственного полового акта;

г) прокуроры не должны допускать задержек в процессе сбора доказательств или заявлений от пострадавших или свидетелей.

⁸⁹ *Томази против Франции*, Постановление от 27 августа 1992 г., серия А по. 241 – А стр. 40-41, п.п. 108-111; *Рибич против Австрии*, решение от 4 декабря 1995 г., сб.–1996, стр. 26, п.34; *Аксой против Турции*, Постановление от 18 декабря 1996 г., стр. 17, п. 61.

⁹⁰ *Айдын против Турции*, Постановление от 10 октября 2000 г.

д) прокуроры должны незамедлительно реагировать на явные проявления плохого обращения или на жалобы на подобное обращение. В деле *Аксой против Турции*⁹¹, несмотря на тот факт, что государственный прокурор не мог не заметить значительные телесные повреждения, нанесенные заявителю, он никак не отреагировал на это. Аналогичная ситуация имела место в делах *Текина*⁹² и *Аккоса*,⁹³

е) государственные прокуроры должны предпринимать активные и энергичные действия против лиц, ответственных за нарушения. В некоторых случаях Суду приходилось подвергать критике ситуации, при которых вместо привлечения к ответственности виновных в совершении пыток, прокуроры предпочитали наказывать очевидную жертву указанных злоупотреблений. Например, в деле *Илхан против Турции*, в котором заявитель, получивший физические повреждения при аресте, был подвергнут наказанию за отказ остановиться по приказу сотрудников служб безопасности, но против служб безопасности, подвергнувших его бесчеловечному обращению, не было принято никаких мер;

ж) государственные прокуроры не должны попустительствовать или закрывать глаза на действия сотрудников служб безопасности, игнорируя или недооценивая жалобы на недопустимое обращение с их стороны. В частности, государственные прокуроры не должны делать вывод о том, что представители государства всегда правы и что любые свидетельства, указывающие на плохое обращение, являются следствием законных действий, необходимость которых обусловлена поведением заявителя. Это часто имеет место в случае жалоб на применение пыток.⁹⁴

Другой сферой, требующей тщательного соблюдения стандартов в ходе проведения расследования, является *судебно-медицинская экспертиза*. Поскольку наличие достоверных медицинских отчетов является решающим фактором в процессе определения истины при сопоставлении двух совершенно противоположных версий, представляется необходимым, чтобы указанные свидетельства не только имелись в наличии, но и носили тщательный и независимый характер. Ранее Суд признавал наличие проблем, связанных с неадекватным характером выполнения процедурных прав по ст. 3 в следующих случаях:

⁹¹ *Аксой против Турции*, Постановление от 18 декабря 1996 г.

⁹² *Текин против Турции*, Постановление от 9 июня 1998 г.

⁹³ *Аккос против Турции*, Постановление от 10 октября 2000 г.

⁹⁴ *Айдын против Турции*, Постановление, §106; *Аксой против Турции*, доклад Комиссии, §189; *Чакичи против Турции*, доклад Комиссии, §284.

- отсутствия адекватной судебно-медицинской экспертизы задержанных, в том числе их освидетельствования квалифицированным медицинским персоналом;⁹⁵

- использования кратких (не подробных) медицинских отчетов и свидетельств, не содержащих описания жалоб заявителя или каких-либо выводов;

- передачи медицинского отчета сотрудникам полиции;

- отсутствия надлежащей судебно-медицинской экспертизы лиц, скончавшихся в заключении, включая отсутствие в отчетах подробного описания телесных повреждений; отсутствие фотографий или результатов анализов следов на теле пострадавшего; низкий уровень квалификации медицинских работников.

Также представляется важным отсутствие законодательных препятствий, ограничивающих полномочия прокуроров привлекать к ответственности представителей государственной власти за совершение некоторых категорий преступлений, что, в свою очередь, подвергает сомнению независимость прокурора в процессе принятия им решения о наказании виновных в применении пыток.

Еще одной проблемой при проведении расследования может быть отсутствие доступа для заявителей или родственников предполагаемых жертв к средствам правовой защиты, включая невозможность получения информации о ходе или результатах расследования и отсутствие подобной информации, или задержки в предоставлении сведений подобного характера.

В случае предполагаемых крупномасштабных злоупотреблений все вышеперечисленные негативные аспекты следственного процесса лишь усугубляют существующие нарушения.⁹⁶ Последствия этого описываются ниже.

Отсутствие эффективного расследования. Отсутствие надлежащего и тщательного расследования жалоб на плохое обращение со стороны правоохранительных органов способствует созданию атмосферы попустительства и безнаказанности виновных в подобных действиях. В подобных условиях можно говорить о существовании узаконенной практики или политики терпимости в отношении нарушений ст. 3.

В ряде дел, имевших место в Северной Ирландии в 1970 г., заяви-

⁹⁵ *Аккос против Турции*, доклад Комиссии; *Айдын против Турции*, решение, §107.

⁹⁶ *Лабита против Италии*, по. 26772/95, п. 121, ЕСПЧ 2000-IV; *Дикме против Турции*, по.20869/92, 11 июля 2000 г.

тели утверждали, что они не только подвергались отдельным актам пыток, но и являлись жертвами практики, противоречащей ЕКПЧ.⁹⁷

Конститутивными элементами практики являются повторяемость актов и терпимое отношение к ним со стороны официальных органов. *Повторяемость актов* означает их значительное число, что свидетельствует об общей тенденции. Под *официальной терпимостью* подразумевается такое положение, при котором, несмотря на полную нелегитимность подобных актов, к ним относятся терпимо, т.е. официальные лица, которые являются начальниками тех, кто непосредственно ответственен за их совершение, несмотря на свою осведомленность о действиях подчиненных, не предпринимают никаких действий с целью их наказания или предотвращения повторного совершения ими указанных актов; или если вышестоящие органы перед лицом многочисленных жалоб демонстрируют полное равнодушие, отказываясь проводить надлежащее расследование по поводу истинности или ложности указанных утверждений, или рассматривать подобные жалобы в условиях справедливого судебного разбирательства.⁹⁸

Таким образом, понятие официальной терпимости более многогранно, чем просто официальное одобрение той или иной практики; оно, скорее, заключается в том, предпринимают ли власти какие-либо меры в целях пресечения указанной практики, и насколько эти меры эффективны. Как заявила Комиссия, «административная практика может существовать в условиях отсутствия, или даже в нарушение конкретного закона... Вопрос заключается в том, действовали ли власти достаточно эффективно в целях пресечения повторения указанных актов».⁹⁹

Согласно положениям ЕКПЧ действия государства будут считаться недостаточно эффективными, если они не направлены на предотвращение повторения подобной практики. Для этого правительство должно не просто представить конкретные примеры наказания виновных (особенно тех случаев, которые вызвали широкое внимание общественности и средств массовой информации), но и продемонстрировать готовность проводить на регулярной основе тщательные расследования всех случаев подобных нарушений и привлекать виновных к ответственности. Это также означает, что только выплата компенсации, в отсутствие действий, направленных против нарушителей ЕКПЧ, позволила бы государству в делах, касающихся применения пыток, «выкупить» себе право на использование пыток.

⁹⁷ *Доннелли и др. против Соединенного Королевства*, 4 D&R 4.

⁹⁸ *Греческое дело*, сб., стр. 195-196.

⁹⁹ Решение от 6 декабря 1983, 35 D&R 143, 164.

Отсутствие эффективного расследования не только ведет к нарушению процедурных аспектов, но и касается вопроса ответственности властей перед родственниками пострадавшего, если они не получают надлежащего ответа на свои запросы. В вышеупомянутом деле *Курт* Суд признал факт нарушения ст. 3, принимая во внимание особые обстоятельства дела. В частности, он отметил, что заявительница была матерью жертвы серьезного нарушения прав человека, и сама стала жертвой полного равнодушия властей.

Комментарий

Вступающий в действие с 1 июля 2002 г. УПК РФ предусматривает основания возникновения права на реабилитацию, т.е. возмещение причиненного гражданину вреда в результате уголовного преследования. Такое право возникает:

- у подсудимого, в отношении которого вынесен оправдательный приговор;
- у подсудимого, уголовное преследование в отношении которого прекращено в связи с отказом государственного или частного обвинителя от обвинения;
- у подозреваемого или обвиняемого, в отношении которого уголовное дело прекращено по основаниям, указанным в законе;
- у осужденного – в случаях полной или частичной отмены вступившего в законную силу обвинительного приговора суда и прекращения уголовного дела по основаниям, указанным в законе;
- у лица, к которому были применены принудительные меры медицинского характера, если отменено незаконное и необоснованное постановление о применении таким мер.

Реабилитированному возмещается имущественный вред (заработная плата, пенсия, другие средства, которых он лишился в результате уголовного преследования; конфискованное и обращенное в доход государства имущество; суммы штрафа и процессуальных издержек, взысканных по решению суда; суммы, выплаченные за оказание юридической помощи; иные расходы). Судом может быть рассмотрен и иск о компенсации морального вреда (ст. 133-136 УПК РФ).

Рекомендации

Внутренние правовые гарантии

Статья 21 Конституции РФ запрещает пытки. Однако данный запрет должен получить отражение в национальном законодательстве повсеместно: в уголовном кодексе и во всех законах, регулирующих деятельность официальных представителей власти, наделенных полномочиями осуществлять содержание под стражей лиц, находящихся в заключении. Разъяснение данного положения должно содержаться в учебных пособиях для тех лиц, чья профессиональная деятельность связана с риском злоупотребления властью, что, в свою очередь, приводит к нарушению ст. 3.

Существует ряд других международных документов, к которым должны обращаться судебные органы при рассмотрении вопроса о полном соблюдении гарантии борьбы против пыток. Среди них:

- Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, принятые ООН в 1957 и 1977 гг.;
- Стандартные минимальные правила, касающиеся обращения с заключенными, принятые Советом Европы, Рекомендация No. R (73) 5 Комитета министров Совета Европы;
- Декларация о полиции 1979 г., Резолюция 690 Парламентской Ассамблеи Совета Европы;
- Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, принятый ООН в 1979 г.;
- Свод принципов, касающихся защиты всех лиц, подвергшихся любой форме задержания или заключения, принятый ООН в 1988 г.;
- Правила ООН, касающиеся защиты несовершеннолетних, находящихся в условиях лишения свободы, принятые ООН в 1990 г.;
- Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, принятые в 1985 г. («Пекинские правила»);
- Европейские правила, касающиеся условий содержания в тюрьмах, Рекомендация No.(87) 3 Комитета министров Совета Европы;¹⁰⁰

¹⁰⁰ Международные акты о правах человека. Сборник документов. М., 2002.

КПП и его рекомендации

В целях борьбы с применением пыток Совет Европы, в дополнение к ЕКПЧ, как уже отмечалось, принял в 1994 г. Европейскую конвенцию по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания. 5 мая 1998 г. Российская Федерация присоединилась к ней (далее Конвенция 1994 г.).

Согласно Конвенции 1994 г. учреждается Комитет, состоящий из независимых и беспристрастных экспертов, представляющих различные профессии (их число равно числу сторон), с целью осуществления периодических и ad hoc посещений любых мест, в пределах юрисдикции государств-участников Конвенции 1994 г., где содержатся лица, лишённые свободы государственной властью (полицейских и жандармских участков, государственных и частных спецбольниц для интернированных лиц, административных центров задержания иностранцев и дисциплинарные подразделения в военных частях).

В ходе посещений указанных мест эксперты обладают правом свободного общения наедине с лицами, лишёнными свободы, по образцу с практикой посещений, проводимой Международным комитетом Красного Креста (далее МККК). Существенным элементом Конвенции 1994 г. является принцип сотрудничества между КПП и государством-участником. Следствием возложенного на государство обязательства по сотрудничеству является конфиденциальность всей процедуры. Доклад по итогам посещения и подробные рекомендации, направляемые правительству, носят конфиденциальный характер до тех пор, пока правительство не примет решения их опубликовать. Первый Дополнительный протокол к Конвенции 1994 г., который пока еще не вступил в силу, открывает Конвенцию для подписания государствами, не являющимися членами Совета Европы, но получившими от Комитета министров приглашение на вступление в него.

По итогам каждого из своих посещений КПП составляет рекомендации, касающиеся способа укрепления гарантий защиты от плохого обращения. Как уже указывалось выше, лица, находящиеся в условиях лишения свободы, особенно уязвимы в отношении потенциальной возможности подвергнуться пыткам или бесчеловечному обращению. Также довольно типичной является ситуация, при которой, условия заключения сами по себе могут оказывать тяжелое и разрушительное воздействие на психическое и физическое здоровье заключенных, что можно расценить как бесчеловечное обращение или даже пытки.

Все официальные органы, в ведении которых находятся заключенные, должны с особым вниманием относиться к рекомендациям КПП, касающимся способов улучшения условий заключения и укрепления гарантий защиты их прав.

Например, зачастую причиной переполненности камер, приводящей к ухудшению условий содержания, отчасти являются законы и практика, допускающие длительные сроки предварительного заключения, что возможно оправдать соображениями о возможности побега или риска сговора со стороны подозреваемых. Там, где подобные законы и практика все еще существуют, их необходимо подвергнуть пересмотру. В этом отношении особую озабоченность вызывает положение детей, находящихся в предварительном заключении, поскольку дети наиболее физически и нравственно уязвимы.

В своих предыдущих докладах КПП также отмечал, что существующие экономические условия в той или иной стране могут затруднять процесс выполнения всех требований Комитета, даже несмотря на желание и готовность властей. Поэтому, размышляя над возможностью применения его рекомендаций, Комитет указал, что в отдельных случаях, принятие эффективных мер, направленных на оказание помощи государствам в деле выполнения рекомендаций КПП, могло бы способствовать решению указанной проблемы.

Судебно-медицинская экспертиза. КПП в своем открытом заявлении указал, что если в отношении судебно-медицинских экспертов не соблюдаются условия их независимости, специальной подготовки и широты полномочий, то это может иметь контрпродуктивный эффект, значительно затрудняющий возможность борьбы против применения пыток и жестокого обращения.

Следовательно, чрезвычайно важно, чтобы законодательная система каждого государства предусматривала наличие независимого института, укомплектованного специально подготовленными специалистами в области судебной медицины, наделенными широкими полномочиями, что, в свою очередь, является гарантией защиты от применения пыток и бесчеловечного обращения.

В дополнение к тому, что судебная медицина является необходимым инструментом при проведении расследований случаев предполагаемого применения пыток, также важен и тот факт, что специалисты в области судебной медицины необходимы в деле борьбы с преступностью. Слишком часто к пыткам или бесчеловечному обращению прибегают в целях получения признания или необходимых сведений в ходе расследования предполагаемого преступления. Недостаточность ресурсов, выделяемых на организацию судебно-медицинской экспертизы, увеличивает вероятность бесчеловечного обращения как средства оказания давления с целью получения необходимой информации.

К этому можно добавить и то, что все судьи и прокуроры должны проявлять полную нетерпимость к любым формам бесчеловечного об-

ращения, используемого в качестве незаконного средства получения информации от задержанного или подозреваемого лица. Информация, полученная с применением указанных методов, должна автоматически считаться неприемлемой и не приниматься к рассмотрению. При этом акцент должен делаться на том, что информация, полученная посредством применения пыток или бесчеловечного обращения, не может считаться достоверной.

Проблема может возникать в том случае, если задержанный сообщает прокурору о том, что он/она подверглись незаконному обращению, но прокурор не проявляет никакого интереса к подобным заявлениям. Необходимо предпринимать действия, направленные на искоренение тенденции защищать представителей правоохранительных органов, вместо попытки объективного рассмотрения возникшей проблемы.

Факт признания родственника пострадавшего жертвой процедурного нарушения ст. 3 по причине бездействия судебных органов, зависит от наличия конкретных факторов, придающих страданию заявителя такой характер, который значительно отличает его от эмоционального стресса, как правило, неизбежно возникающего у родственников жертвы серьезного нарушения прав человека.

В этой связи, чрезвычайно важна возможность проведения независимой и всесторонней медицинской экспертизы лиц, готовящихся к освобождению. КПП также указал на то, что надлежащее медицинское освидетельствование является существенной гарантией против бесчеловечного обращения с лицами, находящимися под стражей.

Подобное освидетельствование должно проводиться высококвалифицированным врачом, в отсутствие представителей полиции, и медицинское заключение должно включать не только подробное описание всех телесных повреждений, обнаруженных во время осмотра, но и объяснения самого пациента о том, каким образом они были получены, а также заключение врача по поводу того, насколько эти объяснения совпадают с обнаруженными им повреждениями. Практика поверхностных и коллективных осмотров, о которой идет речь в данном деле, подрывает эффективность и надежность указанной гарантии. Такова позиция бывшей Комиссии и Суда по данному вопросу.¹⁰¹

Поведение должностных лиц по поддержанию правопорядка. В сущности, большинство случаев жестокого обращения связано с пребыва-

¹⁰¹ *Айдын против Турции*, Постановление от 10 октября 2000.

нием в условиях содержания под стражей в полицейских учреждениях, особенно, в первые часы ареста, когда не разрешаются доступ к адвокату или врачу, а также контакт с семьей. Как правило, целью такого обращения является стремление добиться признания.

В целях борьбы с подобной практикой, судебные органы должны прилагать максимальные усилия по обеспечению защиты прав заключенных как на законодательном уровне, так и на практике. Среди них: процедурные права, такие как надлежащие протоколирование и регистрация задержанных, с указанием того, когда и кем было осуществлено задержание, а также места содержания задержанного и любых его передвижений и переводов.

Среди других гарантий можно отметить обеспечение доступа к адвокату и врачу на ранних этапах задержания. Любое задержание должно осуществляться на законных основаниях и, в случае необходимости, подвергаться пересмотру соответствующим судебным органом.

Все меры, а именно, законодательные, административные, судебные и т.д., по предотвращению пыток и жестокого обращения, должны приниматься или осуществляться судебными органами власти. Эти меры включают в себя: защиту права на свободу и безопасность, а также права на справедливое судебное разбирательство; пересмотр правил, касающихся проведения допросов; принятие законодательства, объявляющего неприемлемыми любые свидетельства, полученные с использованием пыток, включая и признательные показания; регулярные независимые инспекционные посещения всех мест лишения свободы; соблюдение принципа *non-refoulement*, согласно которому, запрещается депортировать лицо в страну, в которой он может подвергнуться пыткам или бесчеловечному обращению; распространение информации по вопросам, касающимся предупреждения пыток, а также организация обучения и подготовки прокуроров, судей, сотрудников правоохранительных органов, полицейских, военных и медицинского персонала.

В решающий период задержания необходимо соблюдать особую бдительность в деле обеспечения максимально эффективного действия гарантий защиты от пыток.

Наконец, необходимо также пересмотреть практику использования признательных показаний в качестве доказательства вины подозреваемого, так, чтобы сотрудники правоохранительных органов не стремились добиваться признаний с применением силы.

Ситуации, связанные с напряженностью и конфликтами. Несмотря на общепризнанный характер абсолютного запрета на использование пыток, часто возникают ситуации, при которых сотрудникам служб безопасности приходится оправдываться по поводу случаев широкомасштабного применения наихудших форм жестокого обращения.

Необходимо предупреждать все попытки ослабить действие принципа защиты против пыток в условиях конфликтной ситуации. Непременным условием является признание следственными и судебными органами абсолютного характера гарантии запрета на пытки, а также недопущение ими в ходе своей деятельности в условиях конфликтов какого-либо оправдания применения запрещенных форм обращения. Не менее энергичные меры должны приниматься с целью обеспечения привлечения к ответственности всех виновных в применении пыток или бесчеловечного обращения в условиях конфликтов.

Наиболее уязвимые группы. Судебные и следственные органы должны с особым пониманием относиться к факту существования определенных групп, которые, как правило, сталкиваются с наиболее вероятным риском подвергнуться пыткам или жестокому обращению. Это чаще всего касается представителей меньшинств, а также беженцев и других иностранных граждан.

Вторую группу риска представляют лица, стремящиеся воспользоваться своим правом на свободу выражения, собраний и ассоциаций (представители политической оппозиции, журналисты, правозащитники), а также адвокаты, направляющие жалобы по поводу жестокого обращения с их клиентами. Однако, в то время как представители последней группы способны иногда привлекать внимание международной общественности к своим делам, рядовые граждане, ставшие, на, жертвами избиений, которые, как сообщается, применяются в широком масштабе, зачастую даже не осмеливаются пожаловаться на подобное обращение.

Расследование нарушений и наказание виновных. Проведение незамедлительного и беспристрастного расследования в тех случаях, когда существуют серьезные основания полагать, что был совершен акт пытки, привлечение к судебной ответственности его исполнителей и в случае признания их виновными, наложение на них адекватного наказания, - все эти аспекты существенны с точки зрения выполнения обязательств по ст. 1, 3 и 13 ЕКПЧ, а также в целях создания превентивного механизма против тех, кто, в противном случае, был бы вовлечен в запрещенные действия.

Возмещение ущерба. Жертвам нарушений должно обеспечиваться надлежащее возмещение ущерба, включая реабилитацию. Данное обязательство четко сформулировано в Конвенции 1994 г., участником которой является и Российская Федерация.

Комментарий

Национальная судебная система Российской Федерации постепенно приобретает черты независимой ветви власти, способной принимать решения с учетом международных норм и принципов, указанных прежде всего, в Европейской конвенции по защите прав человека и основных свобод. Однако для этого требуются серьезные преобразования в правовой и в частности судебной системе.

Первые и достаточно серьезные шаги в России уже сделаны. Усовершенствована судебная система. В стране появились мировые судьи, которые оперативно и на высоком профессиональном уровне разрешают уголовные дела по установленной подсудности, допуская минимальное количество нарушений, о чем свидетельствует апелляционная практика рассмотрения приговоров, постановленных мировыми судьями. В стране с 1 января 2003 г. на всей территории вводится судопроизводство с участием присяжных заседателей, устанавливается принципиально новый порядок проверки и рассмотрения уголовных дел в порядке судебного надзора. Суды все чаще, используя положения, закрепленные в ст. 15 Конституции РФ, обращаются к международным нормам и при рассмотрении уголовных дел применяют положения ЕКПЧ. Выявленные нарушения, имеющие место в следственной и судебной практике российских правоохранительных и судебных органов, относительно требований ЕКПЧ, оперативно рассматриваются и исправляются. Все это позволяет сделать вывод о широких возможностях судов рассматривать дела на основе законности, обоснованности и справедливости, с использованием и соблюдением международных норм и правил, многие из которых стали составной частью правовой системы и внутреннего законодательства нашего государства.

Ю.Ю.БЕРЕСТНЕВ

Заместитель начальника Управления Главного
государственно-правового управления Президента РФ

РАССМОТРЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКИМ СУДОМ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА ЖАЛОБ ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА НАРУШЕНИЕ ПОЛОЖЕНИЙ СТ. 3 ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИЯ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНЫХ СВОБОД

Анализ поступающих властям Российской Федерации запросов Европейского Суда, так называемых «коммуникаций» по жалобам против России показывает, что одним из главных оснований для обращений в Европейский Суд являются утверждения о различных видах нарушения положений статьи 3 ЕКПЧ и, в первую очередь, о неудовлетворительных условиях содержания в учреждениях пенитенциарной системы, особенно в следственных изоляторах.

Самым значительным с прецедентной точки зрения на сегодняшний день является *дело В.Калашникова*, по которому 15 июля 2002 г. объявлено постановление по существу. Впервые Европейский Суд прямо дал оценку состоянию российской пенитенциарной системы и, что не менее важно, рассмотрел процессуальные вопросы, касающиеся наличия или отсутствия в российской правовой системе эффективных средств правовой защиты против негуманных условий содержания в следственных изоляторах.

История вопроса по делу В.Калашникова сводится к следующему.

1 июня 1999 г. властям Российской Федерации была коммуницирована первая жалоба против России из находившихся на рассмотрении Европейского Суда. По поступившей информации заявителем являлся Валерий Ермилович Калашников – гражданин Российской Федерации, бывший президент Северо-Восточного акционерного банка. 8 февраля 1995 г. УВД Магаданской области в отношении В.Калашникова было возбуждено уголовное дело и предъявлено обвинение в том, что он, занимая ответственное положение в руководстве банка, совершал умышленные действия, направленные на завладение чужим имуществом путем обмана и злоупотребления доверием, присвоение и растрату денежных средств, а также подделку и использование заведомо подложных документов. Действия Калашникова В.Е. были квалифицированы по ч. 3 ст. 147¹ УК РСФСР.

Первоначальное обвинение Калашникову В.Е. предъявлено 17 февраля 1995 г., а в окончательном виде – 14 декабря 1995 г.

29 июня 1995 г. заявитель был арестован и помещен в следственный изолятор г. Магадана, где находился до вынесения ему приговора Магаданским городским судом 3 августа 1999 г.

19 июня 1996 г. обвинительное заключение по делу В.Калашникова утверждено прокурором Магаданской области и направлено в Магаданский городской суд. Дело было назначено к слушанию на 11 ноября 1996 г.

11 ноября 1996 г. Магаданский городской суд начал рассмотрение дела заявителя по существу, которое продлилось до 7 мая 1997 г. В тот же день, 7 мая 1997 г., рассмотрение дела было отложено в связи с тем, что решением квалификационной коллегии судей Магаданской области полномочия председательствующего в процессе судьи Васина были прекращены. До рассмотрения вопроса о прекращении полномочий судьи Васина Высшей квалификационной коллегией судей Российской Федерации дело Калашникова другому судье не передавалось.

22 октября 1997 г. заявитель подал жалобу в Магаданский областной суд с просьбой передать его дело из Магаданского городского в областной. Одновременно он подал ходатайство в Верховный Суд РФ, который в свою очередь направил дело в Магаданский областной суд для судебного разбирательства. В своих письмах от 17 и 27 ноября 1997 г. областной суд уведомил заявителя о том, что у последнего не было причин передавать дело в другой суд, и предложил обратиться в городской суд с любыми вопросами, связанными с его делом. В этих письмах также содержалось требование о том, чтобы городской суд принял все необходимые меры к проведению судебного разбирательства дела заявителя по существу.

5 февраля 1998 г. председатель Магаданского городского суда проинформировал заявителя о том, что дело будет назначено к рассмотрению до 1 июля 1998 г., ссылаясь при этом на сложность дела и загруженность судей.

28 мая 1998 г. дело заявителя было передано в Хасынский районный суд с целью ускорить судебное разбирательство. Поскольку заявитель не согласился с передачей его дела в вышеуказанный суд, 3 июля 1998 г. оно было возвращено в Магаданский городской суд.

27 ноября 1998 г. дело было передано для рассмотрения судье Шинкаревой Л.Н., под председательством которой 28 января 1999 г. дело было возвращено для производства дополнительного расследования прокурору Магаданской области. Суд отказался удовлетворить жалобу заявителя относительно освобождения его из-под стражи. Заявитель обжаловал это решение в вышестоящий суд.

15 марта 1999 г. Магаданский областной суд отменил решение Магаданского городского суда о направлении дела для производства дополнительного расследования и определил направить дело на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства.

С 15 апреля по 3 августа 1999 г. дело Калашникова В.Е. рассматривалось по существу в Магаданском городском суде.

3 августа 1999 г. Калашников В.Е. приговором суда признан виновным и осужден по ч. 3 ст. 147¹ УК РСФСР к 5 годам 6 месяцам лишения свободы с конфискацией имущества с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима.

11 августа 1999 г. приговор вступил в законную силу.

Одной из основных претензий, предъявлявшихся В.Калашниковым российским властям, являлись утверждения о применении к нему «жесточкого обращения» путем содержания его в СИЗО в неудовлетворительных условиях.

Заявитель просил Европейский Суд обязать Российскую Федерацию выплатить ему компенсацию за нарушение его прав в размере 2 млн. долларов США, а также оплатить судебные издержки по состоянию на день вынесения решения Европейского Суда.¹⁰²

31 марта 2000 г. решением Магаданского городского суда Калашников оправдан по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 147 и ч. 2 ст. 196 УК РСФСР

24 апреля 2000 г. определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ оправдательный приговор в отношении Калашникова оставлен без изменения, протест прокурора – без удовлетворения.

26 июня 2000 г. на основании п. 7 постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 г. «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» освобожден от дальнейшего отбывания наказания.

18 сентября 2001 г. в Европейском Суде по правам человека состоялись слушания по приемлемости жалобы Калашникова для рассмотрения по существу. По итогам заседания Европейский Суд отклонил шесть из девяти претензий В.Калашникова и признал остальные три (включая жалобу на нарушение ст. 3 ЕКПЧ), приемлемыми для рассмотрения по существу. В своем решении Европейский Суд отметил среди прочего, что В.Калашников неоднократно обращался с ходатайствами об изменении ему меры пресечения, в том числе по мотивам неудовлетворительных условий содержания в СИЗО.

В частности, в ходе судебного заседания 8 июня 1999 г. заявитель обратился с просьбой об освобождении из-под стражи, указав, что в камере, где содержались 18 заключенных, он не может надлежащим образом подготовиться к даче показаний в суде. Он также заявил, что дважды заразился чесоткой и что ему не меняют постельное белье. Просьба заявителя была оставлена без удовлетворения.

В ходе судебного заседания 16 июня 1999 г. заявитель вновь обратился с просьбой об освобождении из-под стражи, ссылаясь на плохие условия содержания. Он также заявил, что приобрел грибковое заболевание, а все тело в язвах от укусов клопов, которыми кишит его постель. В койке он спит в очередь с двумя другими заключенными. В душ заклю-

¹⁰² На последнем этапе разбирательства дела Калашникова в Страсбурге размер его претензий превысил 12 млн. долларов США.

В итоговом постановлении по существу дела Европейский Суд присудил к возмещению 8 тыс. Евро (5 тыс. – компенсация морального ущерба, 3 тыс. – компенсация судебных издержек).

ченных водят раз в две недели. В камере нечем дышать, так как все курят. Он плохо себя чувствует, у него болит сердце. Он похудел, его вес сократился с 96 до 67 кг. Он также указал, что в случае освобождения из-под стражи не сможет чинить препятствий в рассмотрении дела.

Городской суд г. Магадана постановил оставить просьбу заявителя без рассмотрения, по-видимому, в связи с тем, что она была подана вне связи с данным заседанием.

В ходе заседания в городском суде 23 июня 1999 г. заявитель сказал, что не может участвовать в судебном заседании из-за плохого самочувствия. Суд назначил медицинское освидетельствование заявителя экспертной комиссией.

В заключении комиссии, вынесенном в июле 1999 г. (точная дата не указана), говорится, что у заявителя отмечается нейроциркуляторная дистония, астеноневротический синдром, хронический гастродуоденит (воспаление стенки двенадцатиперстной кишки и слизистой оболочки желудка), имеются грибковые инфекционные заболевания на ногах, руках и паховой области, а также микоз.

По мнению экспертов, для лечения этих заболеваний госпитализация не требовалась, так что заявитель мог по-прежнему содержаться в следственном изоляторе. Эксперты пришли к заключению, что состояние здоровья заявителя позволяло ему участвовать в судебных заседаниях и давать показания.

В судебном заседании 15 июля 1999 г. заявитель снова обратился к суду с просьбой освободить его из-под стражи. Он заявил, что суд практически завершил рассмотрение доказательств и показаний, так что он никак не сможет воспрепятствовать установлению истины. Просьба заявителя была отклонена.

Как указывалось выше, в период с 29 июня 1995 г. по 20 октября 1999 г. заявитель содержался под стражей в учреждении ИЗ-47/1 (следственный изолятор №1 (СИЗО-1) г. Магадана. 20 октября 1999 г. он был направлен для отбывания наказания по приговору городского суда от 3 августа 1999 г. в исправительное учреждение АВ-261/3, расположенное в населенном пункте Талая. 10 декабря 1999 г. он был возвращен в СИЗО г. Магадана, где и отбывал наказание вплоть до освобождения, то есть до 26 июня 2000 г.

Относительно общих условий содержания во время первого пребывания в Магаданском СИЗО заявитель сообщил следующее.

Он содержался в камере площадью 17 кв.м., в которой имелось восемь коек. При этом в камере почти всегда содержались 24 заключенных, лишь иногда их количество сокращалось до 18. Каждая койка предназначалась на трех заключенных, так что спать приходилось по очереди. Остальные ожидали своей очереди, лежа или сидя на полу или картонных коробках. В камере круглосуточно работал телевизор, а в дневное время по камере все время ходили люди, нормальные условия для сна отсутствовали. Свет в камере никогда не выключали.

Туалет находился в углу камеры, на всеобщем обозрении. Перегород-

ка отделяла унитаз от умывальника, но не от коек и обеденного стола. Унитаз находился на возвышении, на высоте приблизительно 1 метра от пола, а высота перегородки составляла 1,1 м. Так что человек, сидящий на унитазе, был виден не только всем заключенным в камере, но и надзирателю, наблюдавшему за заключенными через глазок в двери камеры.

Заключенные принимали пищу за столом, который находился в метре от унитаза. Пища была низкого качества.

В камере отсутствовала вентиляция, летом в ней было душно и жарко, зимой – очень холодно. В камере все время был спертый воздух, поэтому окно было постоянно открыто. Поскольку все вокруг много курили, заявитель невольно стал пассивным курильщиком. Заявитель утверждает, что ему не выдавали нормальное постельное белье, тарелки и другие столовые приборы. Администрация СИЗО выдала ему только ватный матрас и тонкое фланелевое одеяло, а столовые принадлежности ему приходилось одалживать у сокамерников, которым их передали родственники из дома.

Камеры СИЗО кишели тараканами и муравьями, никакие меры к их истреблению не принимались. Единственная мера санитарии состояла в том, что раз в неделю надзиратели приносили заключенным ведро хлорки для туалета.

У заявителя возникли различные кожные заболевания и грибковые инфекции, у него сошли ногти на ногах и на нескольких пальцах рук. В период проведения судебного разбирательства по делу заявителя – с 11 ноября 1996 г. по 23 апреля 1997 г. и с 15 апреля 1999 г. по 3 августа 1999 г. в судебном заседании объявлялись перерывы, в течение которых заявителя лечили от чесотки.

Шесть раз в камеру, где содержался заявитель, помещали заключенных с туберкулезом и сифилисом, а ему делали профилактические уколы (антибиотики).

Наконец, заявитель утверждал, что его ежедневно выводили из камеры на прогулку на один час, а в душ заключенных водили два раза в месяц.

По данным медицинской карты заявителя, в декабре 1996 г. он болел чесоткой, в июле и августе 1997 г. – аллергическим дерматитом, в июне 1999 г. у него возникло грибковое инфекционное заболевание на ступнях, в августе 1999 г. – на пальцы руки, в сентябре 1999 г. – микоз, в октябре 1999 г. – грибковое инфекционное заболевание на ступнях, руках и в паховой области. В медицинской карте также говорится, что в связи со всеми этими заболеваниями проведено лечение.

По заявлению властей Российской Федерации, площадь камеры, в которой содержался заявитель, составляет 20,8 кв. м. У заявителя было отдельное спальное место, постельные принадлежности, столовые приборы и возможность получения медицинской помощи. Камера рассчитана на 8 человек. В связи с переполненностью СИЗО на каждое спальное место приходилось по двое-трое заключенных. В камере, где содержался заявитель, в различное время содержалось 11 и более заключенных. Большую часть времени в камере было 14 заключенных. Спали по очере-

ди, по 8 часов. Всем заключенным выдавались ватные матрасы, фланелевые одеяла и простыни.

В камере, где содержался заявитель, имеется санузел – туалет и умывальник. Туалет расположен в углу камеры и отгорожен от спальных мест перегородкой высотой 1,1 метра, что обеспечивает уединение для отправления естественных нужд. Эти нормы и требования установлены «Указаниями по проектированию и строительству следственных изоляторов Министерства внутренних дел СССР», утвержденными 25 января 1971 г.

В камере имеются окна, обеспечивающие доступ свежего воздуха и дневного света. Оборудовать камеру системой принудительной вентиляции не представлялось возможным. В жаркий период для улучшения вентиляции можно было открыть окошко двери камеры. Кроме того, заключенные пользовались малыми вентиляторами, которые им передавали из дома.

В камере стоял телевизор; он принадлежал самому заявителю, так что он сам мог решать, когда его включить и когда выключить. Телевизионные передачи транслируются в данном районе регионе не круглосуточно, только в течение нескольких часов.

11 февраля 1998 г. у одного из сокамерников заявителя был обнаружен сифилис. Этот заключенный был сразу помещен в изолятор, где он прошел полный курс лечения этого заболевания. Все остальные заключенные, содержащиеся в одной камере с больным, в том числе и заявитель, 26 февраля 1998 г. прошли профилактический курс лечения и сдали анализы на серологическую реакцию. Эти меры были осуществлены в соответствии с «Руководством по медицинскому обеспечению лиц, содержащихся в следственных изоляторах и исправительно-трудовых учреждениях МВД СССР», утвержденными 17 ноября 1989 г.

В январе 1999 г. один из блоков следственного изолятора был закрыт на реконструкцию, в связи с чем содержащиеся в нем заключенные были распределены по другим камерам. Заключенные, которых перевели в камеру, где содержался заявитель, находились там в течение недели, и некоторые из них были больны туберкулезом. Однако, по мнению медицинского персонала, это не представляло угрозы для других заключенных, так как больные в этот период проходили амбулаторное лечение.

2 июня 1999 г. в камеру, где содержался заявитель, был помещен заключенный, у которого наблюдались остаточные явления туберкулеза. Этот заключенный в течение 2 месяцев проходил профилактическое лечение в целях предотвращения возможных рецидивов заболевания. Поскольку туберкулеза в открытой форме у него не наблюдалось, опасности заражения других заключенных не было.

Заявитель неоднократно проходил флюорографические исследования, никаких аномалий в органах грудной клетки обнаружено не было.

15 июня 1999 г. в камеру, где содержался заявитель, был помещен заключенный, который в этот период лечился от сифилиса. Проведенные впоследствии медицинские исследования дали отрицательные резуль-

таты. Анализы крови заявителя, сделанные в этой связи, также дали отрицательные результаты.

Когда у заявителя обнаруживались различные заболевания (нейроциркуляторная дистония, чесотка, грибковые заболевания), ему сразу же оказывалась медицинская помощь. В период судебного разбирательства объявлялись перерывы для проведения лечения заявителя.

Заявитель неоднократно проходил медицинский осмотр, ему оказывалась помощь с привлечением врачей-специалистов – дерматолога, терапевта, стоматолога.

Заявитель имел возможность мыться в душе раз в неделю, а на прогулку его выводили на два часа в день.

Наконец, по информации властей Российской Федерации, для предотвращения инфекционных заболеваний в следственных изоляторах осуществляется профилактическая дезинфекция в целях своевременного уничтожения патогенных микроорганизмов, членистоногих и грызунов, в соответствии с вышеупомянутым Руководством МВД СССР от 1989 г. При этом отмечается, что, действительно, насекомые в СИЗО и гостиницах – большая проблема не только для России, но и для других европейских стран.

Заявитель также утверждает, что после того, как он был переведен обратно в СИЗО 10 декабря 1999 г., условия содержания существенно не улучшились. Ему не были выданы надлежащие постельные принадлежности, полотенца и столовые приборы. Ему не было обеспечено лечение в связи с кожными заболеваниями из-за отсутствия необходимых лекарств. Камера по-прежнему кишела тараканами, а насекомых в помещениях не морили уже 5 лет. Но в марте-апреле 2000 г. число заключенных в 8-местной камере, где он содержался, сократилось до 11.

Власти Российской Федерации указали, прежде всего, что заявителем не исчерпаны средства правовой защиты, предоставленные ему законодательством Российской Федерации, что предусмотрено требованиями п. 1 ст. 35 ЕКПЧ¹⁰³. Они отметили, что заявитель имел возможность обратиться с жалобой на якобы имевшее место нарушение его прав к начальнику СИЗО, а также в вышестоящие государственные органы исполнения уголовных наказаний. Заявитель мог обратиться и в суд. В этой связи власти Российской Федерации ссылаются на п/п. 3 и 7 п. 1 ст. 17 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» и на Закон «Об обжаловании в суд действий и решений, наруша-

¹⁰³ Пункт 1 ст. 35 ЕКПЧ: Суд может принимать дело к рассмотрению только после того, как были исчерпаны все внутренние средства правовой защиты, как это предусмотрено общепризнанными нормами международного права, и в течение 6 месяцев с даты вынесения национальными органами окончательного решения по делу.

ющих права и свободы граждан», а также на п. 2 ст. 45 и п. 1 и 2 ст. 46 Конституции РФ.

Однако заявитель, зная о наличии указанных возможностей, не воспользовался ими для принесения жалоб на условия содержания. Власти Российской Федерации утверждали, что просьба заявителя от 11 августа 1999 г. об отбывании наказания в СИЗО, а не в исправительной колонии, свидетельствует о том, что заявитель не имел намерений обращаться с жалобами на действия администрации следственного изолятора.

Власти Российской Федерации также указывали на то, что просьбы заявителя об освобождении из-под стражи, в которых он ссылался на условия содержания, нельзя рассматривать как средства правовой защиты от якобы имевшего место нарушения положений ст. 3 ЕКПЧ.

Что касается существа данной жалобы, власти Российской Федерации признают, что в силу экономических причин условия содержания заключенных в России являются весьма неудовлетворительными и не соответствуют требованиям, предъявляемым к пенитенциарным учреждениям в других государствах, входящих в Совет Европы. При этом власти Российской Федерации отмечают, что условия содержания заявителя под стражей нельзя рассматривать как пытку или бесчеловечное или унижающее достоинство обращение. Условия его содержания под стражей ничем не отличались от условий и, во всяком случае, были не хуже условий, в которых содержатся большинство заключенных в России. Переполненность – проблема всех следственных изоляторов.

Органы власти не имели намерения причинять заявителю боль или наносить вред его здоровью. Администрацией следственного изолятора предпринимались все имеющиеся в ее распоряжении медицинские меры для лечения больных и предотвращения заражения других заключенных.

Власти Российской Федерации принимают все возможные меры к улучшению условий содержания заключенных в России. Принят ряд целевых программ по строительству новых следственных изоляторов и реконструкции действующих, а также по борьбе с туберкулезом и другими инфекционными заболеваниями в местах заключения. Реализация этих программ позволит вдвое увеличить площади мест содержания под стражей, а также улучшить санитарно-гигиенические условия в следственных изоляторах.

Заявитель утверждал, что он систематически обращался с жалобами на условия содержания в органы власти Российской Федерацией всех уровней. Все эти жалобы подавались через администрацию следственного изолятора, где они и регистрировались. Однако никаких мер по улучшению условий содержания принято не было.

Что касается существа данной жалобы, заявитель утверждал, что перепополненность и антисанитарные условия в камере, где он содержался, с учетом длительности срока его содержания под стражей, являются нарушением ст. 3 ЕКПЧ.

В своем решении по приемлемости по данному делу Европейский Суд напомнил, о назначении п. 1 ст. 35 ЕКПЧ – предоставить Договаривающимся государствам возможность предотвратить или исправить нарушения, в связи с которыми им предъявляются претензии, прежде чем эти претензии будут поданы в Суд. Следовательно, государства освобождаются от ответственности за свои действия перед международным органом до тех пор, пока не получают возможность исправить положение дел, используя собственные правовые системы (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «*Ремли против Франции*»¹⁰⁴ (Remli v. France) от 23 апреля 1996 г., и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «*Сельмуни против Франции*» (Selmouni v. France).¹⁰⁵

Однако, согласно требованиям п. 1 ст. 35 ЕКПЧ, обязательному использованию подлежат только те средства правовой защиты, которые имеют отношение к заявляемым нарушениям и в то же время являются доступными и адекватными. Такие средства правовой защиты должны определенно существовать не только в теории, но и на практике, в противном случае их невозможно признать доступными и действенными.¹⁰⁶

Кроме того, Европейский Суд указал, что в вопросах исчерпанности национальных средств правовой защиты бремя доказывания возлагается на власти государства-ответчика, которые должны убедить Суд в том, что рассматриваемое средство правовой защиты в соответствующий момент времени было действенным, существовало как в теории, так и на практике, то есть было доступно, а также что это средство правовой защиты могло обеспечить удовлетворение жалоб заявителя с достаточной вероятностью успеха. В случае, если все эти обстоятельства будут убедительно доказаны, заявитель обязан доказать, что выдвигаемое властями государства-ответчика средство правовой защиты, в сущности, было исчерпано либо по тем или иным причинам являлось неадекватным или недейственным ввиду особенностей данного дела, или что имелись особые обстоятельства, освобождавшие его от данного требования.¹⁰⁷

¹⁰⁴ *Reports*, 1996-II, p. 571, §33.

¹⁰⁵ жалоба № 25803/94, §74, ECHR 1999-V.

¹⁰⁶ См., в частности, такие источники, как Постановление Европейского Суда по делу «*Акдивар и другие против Турции*» (Akdivar and Others v. Turkey) от 16 сентября 1996 г., *Reports* 1996-IV, p. 1210, §66, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «*Сельмуни против Франции*» (Selmouni v. France), §75.

¹⁰⁷ Там же §68, §76.

Суд отметил, что факты неоднократного обращения заявителя с жалобами на условия содержания под стражей в различные органы власти, в частности, в Магаданский городской суд, в Верховный Суд РФ, к Генеральному прокурору РФ и в Высшую квалификационную коллегия судей РФ, не оспариваются. Европейский Суд полагает, что тем самым органы власти были достаточно осведомлены о положении заявителя и имели возможность рассмотреть вопрос об условиях его содержания и при необходимости исправить положение.

Кроме того, хотя заявитель действительно не воспользовался каналами, упомянутыми властями государства-ответчика, и не обращался с отдельными жалобами в суд, к начальнику следственного изолятора и в вышестоящие государственные органы, Европейский Суд отметил, что проблема переполненности следственных изоляторов, по-видимому, носит системный характер, а не только относится к положению данного заявителя. Власти Российской Федерации не предоставили свидетельств того, каким образом эти органы могли исправить положение заявителя, ввиду признаваемых экономических трудностей, испытываемых администрацией мест содержания под стражей.

Поэтому Европейский Суд не считал установленным с достаточной степенью определенности, что использование средств правовой защиты, упоминаемых властями Российской Федерации, могло бы привести к удовлетворению жалобы заявителя на условия содержания его под стражей.

Таким образом, Европейский Суд сделал вывод, что в этой части жалоба заявителя не может быть отклонена на том основании, что заявителем не были исчерпаны национальные средства правовой защиты.

Другим весьма интересным делом, где рассматривались вопросы возможного нарушения ст. 3 ЕКПЧ является *дело В. Гусинского*.

13 июня 2000 г. Гусинский В.А., председатель совета директоров закрытого акционерного общества (ЗАО) «Медиа-Мост», по постановлению старшего следователя по особо важным делам Генеральной прокуратуры РФ Николаева В.Д. был арестован и заключен в следственный изолятор №2 г. Москвы. Заявителю предъявлялось обвинение в связи с деятельностью Федерального государственного предприятия «Русская государственная компания «Русское видео» и общества с ограниченной ответственностью (ООО) «Русское видео» и, в частности, в связи с вхождением ЗАО «Медиа-Мост» в ООО «Русское видео» и увеличением уставного капитала, приведшего к перераспределению долей акционеров. Действия заявителя были квалифицированы следователем как мошенничество, совершенное в крупных размерах (п/п. «б» ч. 3 ст. 159 УК РФ).

16 июня 2000 г. по постановлению следователя изменена мера пресечения в отношении Гусинского В.А. - заключение под стражу заменено на подписку о невыезде. В тот же день заявитель был освобожден из-под стражи. 26 июля 2000 г. уголовное дело в отношении Гусинского В.А. прекращено.

27 сентября 2000 г. следователем Николаевым В.Д. было возбуждено новое уголовное дело в отношении заявителя на основании п/п. «б» ч. 3 ст. 159 УК РФ в связи с получением кредитов ЗАО «Медиа-Мост» обманным путем. Поскольку Гусинский В.А. на допрос по повестке следователя Николаева В.Д. не явился, в отношении заявителя было вынесено постановление о заключении под стражу, а также направлен запрос в Испанию (где в это время находился заявитель) о его выдаче.

11 декабря 2000 г. заявитель был задержан в Испании на основании международного ордера на арест. С 12 по 22 декабря 2000 г. он содержался под стражей, а затем освобожден под залог. 4 апреля 2001 г. решением Национального Суда Испании властям Российской Федерации было отказано в экстрадиции заявителя с территории Испании.

7 марта 2002 г. Европейский Суд вынес частичное решение по вопросу о приемлемости жалобы «Гусинский против Российской Федерации», признав необоснованной данную жалобу в части, касающейся нарушения прав заявителя, предусмотренных ст. 3 ЕКПЧ (условия содержания в следственном изоляторе).

Одновременно Европейский Суд решил продолжить изучение вопроса о приемлемости для рассмотрения по существу иных доводов жалобы Гусинского В.А. и коммуницировал жалобу властям Российской Федерации.

Ссылаясь на ст. 3 ЕКПЧ, заявитель жаловался, что заключение его под стражу и следствие в отношении него представляли собой обращение, унижающее достоинство.

В своем решении Европейский Суд напомнил, что плохое обращение подпадает под действие ст. 3 ЕКПЧ, если при этом достигнут определенный минимальный уровень жестокости. Оценка этого минимального уровня является условной: она зависит от всех обстоятельств дела, таких, как характер и обстоятельства такого обращения, его продолжительность, его физические и психологические последствия, - а в некоторых случаях и от таких факторов, как пол, возраст и состояние здоровья потерпевшего.¹⁰⁸

Действительно, определенное обращение при определенных обстоятельствах может считаться унижающим человеческое достоинство, если такое обращение вызывает у потерпевшего страх, душевные муки и чувство неполноценности, что может приводить к унижению и унижению и, возможно, сломить его физические и моральные способности к сопротивлению.¹⁰⁹ Более того, может оказаться достаточным даже унижение потерпевшего или потерпевшей в собственных глазах.¹¹⁰

¹⁰⁸ см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Костелло-Робертс против Соединенного Королевства» (Costello-Roberts v. the United Kingdom) от 25 марта 1993 г., Серия А, № 247-С, р. 59, § 30.

¹⁰⁹ см. Постановление Европейского Суда по делу «Ирландия против Соединенного Королевства» (Ireland v. the United Kingdom) от 18 января 1978 г., Серия А, №25, pp. 66-67, §167.

¹¹⁰ см. Постановление Европейского Суда по делу «Тайрер против Соединенного Королевства» (Tyreer v. the United Kingdom) от 25 апреля 1978 г., Серия А, №26, р. 16, §32.

Европейский Суд указал, что у него нет сомнений, что возбужденное Генеральной прокуратурой РФ уголовное дело против В.Гусинского и особенно заключение его под стражу 13 июня 2000 г. пробудили в заявителе сильные чувства, особенно учитывая его подозрения о том, что уголовное дело было возбуждено по мотивам далеким от стремления к обеспечению правопорядка и законности. «Это понятная и довольно распространенная реакция человека, в отношении которого проводится расследование по уголовному делу и который заключен под стражу», отмечается в решении Суда. В таких ситуациях человеку свойственно испытывать унижение, страх, душевные муки и чувство неполноценности. Однако, по мнению Европейского Суда, процессуальные действия, вызвавшие такие реакции сами по себе не могут считаться нарушением ст. 3 ЕКПЧ.

На основании представленных материалов при рассмотрении положения, в котором оказался заявитель, Суд не усматривает каких-либо признаков действий, которые соответствовали бы понятию «бесчеловечное или унижающее достоинство обращение», предусмотренное ст. 3 и, соответственно, данная жалоба является явно необоснованной и подлежит отклонению на основании п. 3 и 4 ст. 35 ЕКПЧ.

По целому ряду других коммуницированных дел, в которых содержатся утверждения заявителей о нарушении Российской Федерацией положений ст. 3 ЕКПЧ производство в Европейском Суде продолжается и решения пока не вынесены. К числу наиболее интересных относятся следующие:

Дело Г.Микадзе. Микадзе Гиа Омарович, гражданин Грузии, 14 апреля 1998 г. осужден Чертановским межмуниципальным (районным) судом г. Москвы по ч. 1 ст. 228 УК РФ (незаконное приобретение или хранение без цели сбыта наркотических средств в крупном размере), а также по п. «а» и «б» ч. 2 ст. 162 УК РФ (разбой, совершенный неоднократно, группой лиц по предварительному сговору) к 8 годам лишения свободы с конфискацией имущества.

Приговор был обжалован в кассационном порядке, но оставлен без изменения.

25 августа 1999 г. своим постановлением Президиум Московского городского суда отменил приговор по обвинению Г.Микадзе в разбое и направил дело на новое рассмотрение.

После осуждения Г.Микадзе был направлен для отбывания наказания в Учреждение ЮК-25/8 г. Оренбурга, где находился с 2 сентября 1998 г.

11 января 2001 г., после отмены приговора и направления дела Г.Микадзе на новое рассмотрение 28 февраля 2000 г. Чертановский межмуниципальный (районный) суд г. Москвы вынес обвинительный приговор и осудил Г.Микадзе к 8 годам лишения свободы

В своем обращении в Европейский Суд Г.Микадзе заявляет, что российскими властями в отношении него нарушена ст. 3 ЕКПЧ, т.к. по его утверждению он являлся объектом произвола со стороны сотрудников пенитенциарного учреждения, подвергался пыткам, бесчеловечному обращению и наказанию (регулярные избиения, необоснованные дисциплинарные наказания, непредоставление необходимой медицинской помощи, недостаточное питание, т.е. пытка голодом и т.п.).

Г.Микадзе претендует на выплату ему компенсации за нарушенные в отношении его права в размере 50 ты долларов США.

В 1999 г. жена заявителя Н.Самохина обращалась в Генеральную прокуратуру РФ и в ГУИН Минюста России с просьбой о переводе мужа в другое исправительное учреждение. Просьба первоначально была оставлена без удовлетворения.

6 сентября 1999 г. Н.Самохина получила письмо из УИН по Оренбургской области, которым уведомляется о том, что просьба Г.Микадзе о переводе его в другую область будет решена положительно.

5 января 2001 г. ГУИН Минюста России проинформировал Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека о переводе Г.Микадзе в учреждение ЯМ-401/2 Рязанской области. При этом также сообщается, что в период отбывания наказания в исправительном учреждении г. Оренбурга Г.Микадзе зарекомендовал себя как злостный нарушитель установленного порядка отбывания наказания. В этой связи примененные к нему меры взыскания, по информации ГУИНа, применялись обоснованно, а факты незаконных действий со стороны сотрудников учреждения, на которые указывал Г.Микадзе в жалобах, не нашли подтверждения.

5 марта 2001 г. заместитель Председателя Верховного Суда РФ В.Радченко внес протест в президиум Мосгорсуда на приговор Чертановского межмуниципального (районного) суда от 28 февраля 2000 г. с просьбой прекратить дело за недоказанностью совершения преступления Г.Микадзе и освободить его из-под стражи.

5 апреля 2001 г. президиум Московского городского суда постановил приговор и определение судебной коллегии по уголовным делам от 7 августа 2000 г. в отношении Г.Микадзе отменить, дело прекратить за недоказанностью участия Г.Микадзе в совершении преступления и освободить его из-под стражи.

Рассмотрение дела Г.Микадзе в Европейском Суде продолжается.

Дело А.Городничева. Городничев Аркадий Петрович, гражданин Российской Федерации, проживавший в г. Новосибирске, был арестован 19 февраля 1995 г. по подозрению в совершении кражи (ч. 2 ст. 144 УК РСФСР) и умышленном нанесении тяжких телесных повреждений (ч. 1 и 2 ст. 108 УК РСФСР).

8 сентября 1995 г. в Кировском районном суде г. Новосибирска (судья Ким Н.) началось слушание по делу А.Городничева.

В течение всего судебного разбирательства заявитель находился в СИЗО-1 г. Новосибирска.

23 ноября и 22 декабря 1995 г. и позже, по утверждению А.Городничева, он обращался в суд с ходатайствами об изменении ему меры пресечения на подписку о невыезде в связи с заболеванием в СИЗО туберкулезом. Эти ходатайства были отклонены.

11 марта 1996 г. судебное заседание было перенесено на 16 апреля 1996 г. в связи с командировкой эксперта, а 16 апреля 1996 г. заседание переносится на 20 мая 1996 г. в связи с отпуском эксперта.

Через год после начала судебных слушаний в связи с переводом судьи в другой суд дело было передано другому судье и начато его слушание с самого начала.

25 февраля 1997 г. определением Кировского районного суда г. Новосибирска дело направлено для производства дополнительного расследования.

9 апреля 1997 г. по протесту прокурора Кировского района г. Новосибирска судебная коллегия по уголовным делам Новосибирского областного суда отменила решение Кировского суда о возвращении дела для производства дополнительного расследования от 25 февраля 1997 г.

Дело направлено в тот же суд на новое судебное разбирательство в ином составе.

12 мая 1997 г. начато новое слушание дела заявителя в суде.

12 ноября 1997 г. Кировский районный суд осудил А.Городничева в 8 годах лишения свободы за умышленное нанесение тяжких телесных повреждений (ч. 1 и 2 ст. 108 УК РСФСР). По обвинению в совершении кражи заявитель оправдан.

На приговор Кировского районного суда г. Новосибирска А.Городничевым была подана кассационная жалоба.

4 марта 1998 г. кассационная жалоба заявителя была рассмотрена в Новосибирском областном суде, и вынесено определение об отмене приговора Кировского районного суда от 12 ноября 1997 г. в части осуждения А.Городничева по ч. 2 ст. 108 УК РСФСР и о направлении дела для нового рассмотрения в тот же суд в ином составе. В определении суда кассационной инстанции в частности было указано на необходимость проведения повторной экспертизы.

20 апреля 1998 г. назначено слушание дела на 29 апреля 1998 г.

Реально приступив к рассмотрению дела А.Городничева по существу, 28 мая 1998 г. Кировский районный суд вынес определение о направлении его для производства дополнительного расследования. После производства дополнительного расследования 13 июля 1998 г. дело было возвращено в Кировский районный суд, как утверждает А.Городничев, в том же виде, в каком направлялось на доследование.

31 июля назначено слушание дела на 7 августа 1998 г.

Рассмотрение дела в Кировском районном суде Новосибирской области начато в назначенное время. В процессе судебного разбирательства дваж-

ды заявителем был заявлен отвод всему составу суда. Однако его ходатайства были отклонены.

18 сентября 1998 г. судебное заседание отложено в связи с вызовом свидетелей и необходимостью проведения повторной комиссионной судебно-медицинской экспертизы по ходатайству подсудимого и его защитника.

11 ноября 1998 г. дело снова было возвращено для производства дополнительного расследования.

Заявитель утверждает, что во время производства дополнительного расследования как в первый, так и во второй раз он неоднократно обращался к следователям с ходатайствами о допуске в качестве своего защитника отца. Данные ходатайства были отклонены.

18 декабря 1998 г. дело возвращено в суд.

25 января 1999 г. назначено слушание на 4 февраля 1999 г.

4 февраля слушание состоялось, но было перенесено на 24 февраля 1999 г. в связи с «доставкой свидетелей из следственного изолятора г. Новосибирска и принудительным приводом других свидетелей» (по информации Генеральной прокуратуры РФ).

В результате повторного рассмотрения дела по существу 29 марта 1999 г. Кировский районный суд г. Новосибирска признал А.Городничева виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 108 УК РСФСР, и осудил на 8 лет лишения свободы. При этом, по заявлению А.Городничева, суд проигнорировал решение кассационной инстанции о необходимости проведения повторной экспертизы.

Заявитель обжаловал указанный приговор в кассационном порядке.

Кассационное рассмотрение дела было назначено на 19 мая 1999 г. Однако в связи с тем, что дело было направлено судьей в Новосибирский областной суд с нарушением процессуального законодательства, оно было возвращено в суд первой инстанции.

Очередное слушание дела по кассационной жалобе заявителя было назначено на 23 июня 1999 г. Но определением Новосибирского областного суда дело вновь было возвращено в Кировский районный суд, т.к. судья и в этот раз направила в вышестоящий суд материалы по делу с нарушением норм УПК РСФСР.

21 июля 1999 г. кассационная жалоба заявителя была рассмотрена и решением судебной коллегии по уголовным делам Новосибирского областного суда приговор в отношении А.Городничева от 29 марта 1999 г. был оставлен без изменения.

По утверждению заявителя, вынесенные в отношении него приговоры необоснованны и постановлены с нарушением законодательства.

Городничев А.П. также заявляет, что туберкулез, первые симптомы которого были обнаружены у него в ноябре 1995 г., стали следствием его содержания в СИЗО.

На момент регистрации жалобы в Европейском Суде (22 октября 1999 г.) заявитель находился в СИЗО-1 г. Новосибирска.

В своем обращении в Европейский Суд А.Городничев заявляет (среди прочих претензий), что российскими властями в отношении него нарушена

ст. 3 ЕКПЧ в связи с тем, что в результате содержания в СИЗО он заболел туберкулезом, его многочисленные ходатайстве об изменении меры пресечения остались без удовлетворения, и он был лишен возможности получать эффективную медицинскую помощь.

В своем обращении в Европейский Суд А.Городничев просит признать факты нарушения в отношении него указанных статей ЕКПЧ и обязать Российскую Федерацию выплатить ему справедливую компенсацию в размере 10 млн. долларов США.

8 февраля 2001 г. Новосибирский областной суд своим постановлением отменил приговор Кировского районного суда г. Новосибирска от 29 марта 1999 г. и определение судебной коллегии по уголовным делам Новосибирского областного суда от 21 июля 1999 г. и направил дело на новое судебное рассмотрение со стадии судебного разбирательства в тот же суд в ином составе.

Рассмотрение дела А.Городничева в Европейском Суде продолжается.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	3
Комментарий	5
ПОНЯТИЕ ПРАВА НА ФИЗИЧЕСКУЮ	
НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ	6
Комментарий	7
Сфера действия статьи 3	9
Принцип «минимальной степени жестокости»	9
Бесчеловечное или унижающее достоинство обращение	16
Комментарий	19
Комментарий	23
Статья 3 в контексте Европейской Конвенции о защите прав человека	24
Содержание под стражей	26
Арест и допрос	28
Комментарий	30
Комментарий	34
Комментарий	44
ПОЗИТИВНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ПО СТАТЬЕ 3	46
Процедурные права по статье 3	46
МЕРЫ В ОТНОШЕНИИ ПРЕДПОЛАГАЕМЫХ	
НАРУШЕНИЙ СТАТЬИ 3	49
Расследование случаев предполагаемого применения пыток	50
Рекомендации	56
Внутренние правовые гарантии	56
Ю.Ю.БЕРЕСТНЕВ Рассмотрение Европейским Судом по правам человека жалоб против Российской Федерации на нарушение положений ст. 3 Европейской конвенция о защите прав человека и основных свобод	63

**ЕВРОПЕЙСКАЯ КОНВЕНЦИЯ
О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНЫХ СВОБОД**

**Статья 3.
ЗАПРЕЩЕНИЕ ПЫТОК**

Прецеденты и комментарии

***С.А. Разумов
Ю.Ю. Берестнев***

Редактор О.В. Лужина
Корректор М.Р. Василенко
Компьютерная верстка Н.А. Алексеевой
Художник В.Б. Касякин

Лицензия ИД №01041 от 23.02.2002 г.
Подписано в печать _____
Формат 60x88 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 5 п.л.
Тираж 17000 экз.
Российская академия правосудия
Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69